

Проза XX века

НИКОЛАЙ

ИВАНОВ

РОМАН

Реки
помнят
свои
берега

Проза нового века

Николай Иванов

Реки помнят свои берега

«ВЕЧЕ»

2021

Иванов Н. Ф.

Реки помнят свои берега / Н. Ф. Иванов — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Проза нового века)

ISBN 978-5-4484-8653-1

Роман известного русского писателя Николая Иванова «Реки помнят свои берега» – пронзительное повествование о современной жизни, роман-сага о семье брянского лесника, бывшего партизана Фёдора Буерашина, охраняющего заражённый Чернобылем лес. Волей офицерской судьбы младший из его сыновей «разведзверь ГРУ» капитан Егор Буерашин во время выполнения задания попадает в плен в Южной Америке. Выстояв и преодолев невероятные трудности, он возвращается на родину в день, когда рушится Советский Союз, вместо звания Героя Советского Союза получает должность в охране Б. Ельцина, на его глазах происходят события в Беловежской Пуще, которые он не может предотвратить. Затем служба в негласном наружном наблюдении, бомжевание ради того, чтобы проникнуть в качестве «камерного полковника» в тюрьму к ценному свидетелю. Но наступает октябрь 93-го, и он вновь остаётся один на один со своей судьбой, ещё ждут его в родном селе Журиничи племянники-сироты да учительница Вера... Самого Николая Иванова, председателя Союза писателей России, автора многих книг и лауреата престижных литературных премий, называют «окопным писателем» за его стремление добывать материал для своих произведений непосредственно в «горячих точках».

ISBN 978-5-4484-8653-1

© ИВАНОВ Н. Ф., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

А Россия войдёт в свои берега...	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	59
Глава 14	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николай Иванов

Реки помнят свои берега

© Иванов Н.Ф., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

А Россия войдёт в свои берега...

Человек, рождаясь на свет, уже имеет всё. Фамилию от родителей, молоко от матери, гражданство, историю страны, в которой явил миру свой голос. И поэтому главный вопрос во все времена и для любого из нас – зачем родился? Что будешь делать на этом свете? Небо коптить или, исполняя долг перед предками, продолжать цивилизацию?

Да, история любит делать зигзаги. Точнее, не история, не будем вешать на неё ярлыки. Зигзаги делают политики, у которых есть конкретные имена. И Николай Иванов назвал их в своём романе устами главного героя – «разведзверя» Главного разведуправления Генерального штаба капитана Егора Буерашина. Роман охватывает самые драматические события нашего Отечества в новейшей истории – с «Беловежского» 1991-го по расстрельный 1993-й. Он в определённой степени документален, и приходится только сожалеть, что его герой, находясь в службе охраны президента Ельцина и невольно участвуя в основных событиях того периода, не смог помешать Беловежскому сговору.

Но даже не достоверностью деталей всех исторических перипетий, происходивших на наших глазах, ценен роман. Он о том, как эти события отразились на судьбах семьи брянского лесника, охраняющего от пожаров заражённый чернобыльский лес. Как выстояли в этой круговерти он сам, бывший партизан, его дети и внуки. Как выживало русское село, пока кипели страсти внутри Садового кольца. Как зарождалась любовь, как трепетал её огонёк на сильнейшем ветру событий. Как одни воровали в селе старые церковные колокола, а другие их отливали и... разбивали, потому что не могли добиться благовеста, а фальшивый звук в небо выпустить не смели. Герои романа Иванова – выползающие из секретных тюрем-пещер по колумбийской сельве наши разведчики. Это Евгения Андреевна, печатавшая в Беловежье Соглашение о распаде СССР и единственная, кто пожалел среди веселящейся толпы политиков о распаде великой страны. Это молоденькая учительница, возрождающая в брянских лесах «Пионерские костры» и обряд прощания с детством у девочек «Кукушкины слёзки»...

Именно такие русские люди, как они, как семья Буерашиных, в момент, когда рушились основы государства, когда высунулись из своих нор все крысы, выедавшие страну изнутри, сохранили духовные и нравственные основы нашего Отечества. Не будь их великого стояния за правду истории, за моральные устои – не имели бы мы сегодня собственной страны. Не пошёл бы никогда по России и всему миру «Бессмертный полк», потому что изолгали бы нашу великую Победу окончательно, укрыли саркофагом, навесили бы ярлыки. Не получилось и не получится! И Николай Иванов как писатель подметил в том времени главное: реки и речушки, чьи течения когда-то и зачем-то увели в сторону, взяли в трубы, перегородили плотинами, – они, когда приходит большая вода, всё сметают на своём пути и возвращаются в свои исконные русла, к своим родным берегам. Так и Россия входит в свои берега – собственного достоинства, силы, гордости за историю своих славных предков, устремлённая в будущее и к океану.

Это народный роман. В нём узнают себя и те, кто подносил спички к костру для Советского Союза и кто в отчаянии, из последних сил отстаивал честь и достоинство страны. Он невероятно важен и для будущих поколений, которым изучать нашу историю. И хочется, чтобы это познание и изучение было не плоским, а объёмным, как сделал это в своём романе Николай Иванов.

Михаил НОЖКИН,
народный артист России

Часть первая

Без права на славу

Боже... Ты допускаешь страдания избранных твоих, чтобы они, как золото, на огне и через огонь страданий очистились, и еще большие засияли.

Молитва о русском народе Николая (Велимировича). Сербия 1935 г.

Глава 1

Холод никуда не спешил. Жертва, оставленная ему на прокорм, прикована к стене. Стена – в пещере. Пещера – в горе. Гора – среди кишашей гадами колумбийской сельвы. Кощею Бессмертному обзавидоваться, но не найти более надёжного места, чтобы спрятать свою смерть.

И времени – до утра. Много времени – сто звёзд упадут с небес, промелькнув отражением в священном озере Гуатавита, в котором смывал с себя позолоту вождь Эльдорадо¹.

В жертву принесён человек. Роста небольшого, потому что охранникам, которые привели его сюда, пришлось удлинять цепь, оставшуюся после предыдущего узника. Это не сильно облегчило жизнь пленника, но теперь он имел возможность хотя бы слегка касаться ногами пола, а не висеть на цепи.

Почему пленник здесь, холоду знать неинтересно. Люди вообще странные существа. На одном языке говорить не научились, но при этом спорят, кто из них ближе к Богу. Только ведь Всевышний охранной грамоты на главенство никому не выдавал, а потому и подвешивают раз за разом здесь несчастных...

Едва охранники вышли, холод коснулся оголённых рук пленника. Сбитые в кровь, жилистые, они не понравились ни на вкус, ни на запах. Тронул лицо, ощупывая скулы, изучая разрез глаз, трогая жёсткие чёрные усы. Попытался понять, конкистадору² из какой страны оно может принадлежать. Угадывались черты перса, но это наверняка внешний обман, разгаданный логопедами: чужестранец способен приобрести черты народа, среди которого живёт, потому что звуки и слова на местном диалекте заставляют напрягать определённые группы мышц, которые и формируют облик.

Да и холоду не раз предоставлялась возможность видеть здесь людей, которые в паспорте значились под одним именем, а потом признавались в иных. Следует лишь немного подождать: на каком языке человек молит о пощаде, оттуда и родом.

Пленник попытался размять лицо левой, свободной от наручников рукой. На какое-то мгновение оно покраснелось, и холод чуть отступил. Но не из-за страха перед ожогами, а чтобы сосредоточиться: где-то он уже видел такие покрасневшиеся на морозе лица, где-то встречал на земле этот жест. Где-то на севере, потому что тут, в Колумбии, особой надобности людям учить северные движения нет. К сожалению, темнота, даже не постучавшись, уже вползла в грот, и какие-то детали, позволившие бы раскрыть тайну с ходу, разглядеть не удалось. Да и важно ли, в конце концов, чья кровь начнёт застывать в несчастном теле?

¹ Обычай чибча-муисков, когда нового правителя этого колумбийского племени натирали смолой и покрывали золотым порошком. На восходе солнца, сверкая в лучах, он плыл на плоту на середину озера и бросался в воду, смывая с себя золото в дар Гуатавита.

² По-испански – завоеватель. Как правило, европеец, которого гнала в Южную Америку жажда наживы, романтика золота. Именно конкистадоры первыми начали искать сказочную страну Эльдорадо, прослышав о ритуале прихода к власти вождя племени чибча-муисков.

Переждав, холод подступился к жертве вновь. Одежда на ней, хотя и летняя, для жаркого дня предназначенная, всё же мешала завладеть пленником сразу и полностью. Но ведь и ночь только начиналась. И темнота звала, увлекала сиреной в самые дальние закутки. Нет большей гармонии и идиллии на земле, чем союз мрака и холода, при которых люди солнца обречены на погибель. И впрямь надо лишь чуть подождать, и вкусный плод сам упадёт к твоим ногам.

...Потом холод так и не вспомнил, в какой момент прикрыл в блаженстве и усталости глаза. Но когда спохватился, выход из пещеры для него самого оказался отрезан: проснувшееся солнце босой ножкой-лучиком уже заступало в подземелье. Темнота, всю ночь набивавшаяся в жены, улизнула из пещеры в одиночку, не предупредив о рассвете ни вдохом, ни выдохом. Видать, женщинам если и страшно одиночество, то лишь ночью. При свете они все – неподступные королевы!

Зато никуда не исчез человек. Он висел на цепи без движения, пристроив голову около вздернутого плеча. Можно было ещё раз подступить к сонному, потерявшему бдительность чужаку и пощипать его хотя бы в отместку за ночную неудачу, но временная победа не имеет мудрости. Не все песчинки на дне священного озера Гуатавита успеет осветить и пересчитать солнце, а день опять истлеет. Жертву же, судя по всему, привезли надолго. Так что время позабавиться ею ещё наступит.

У входа в пещеру послышался скрежет гравия. Холод юркнул в первую попавшуюся расселину, и вовремя: вошедший охранник освещал себе путь жарким факелом. Подвернись такому под руку – бока подпалит, не спросив фамилию.

Пришелец проделал это с человеком, ткнув смердящий огонь под его вздёрнутую руку. Пленник, вмиг проснувшись, отбил факел свободной рукой. Охранник остался недоволен, но играть огнём перестал. О чём-то заговорил. До расселины, где затаился случайный свидетель пыток, донеслось лишь одно разборчивое слово – «советский», и холод, едва не выдав себя, хлопнул по лбу: точно, его ночной соперник – славянин, из России. Как же он сразу не догадался! Именно там при его появлении трут носы и щёки. Там в стодавние времена его измеряли не в градусах, а в смешных записях «зело» или «не зелено холодно». После появления термометра, научив красный ртутный шарик скользить в стеклянной трубке, опять же там требовали от наблюдателей «смотреть накрепко, чтобы в близости оногo инструмента никакая чужая теплота, кроме той, которая по воздуху чинится, не была». Уважали. Ценили его в России. По большому счёту там его историческая родина.

Но какие ветры занесли человека с края света в самый центр земли? И стоит ли подтверждать «советскую» догадку надзирателю с факелом? Не получится ли, что вместо благодарности самому ткнут в лицо огнём, требуя подробности?

– Е-гор Бу-е-ра-шин.

Голос факельщика тихий, вкрадчивый. Так сдерживают радость, когда узнают тайну. Она – в имени?

– Е-гор Бу-е-ра-шин, – повторилось с ещё большим ехидством, теперь уже над самым ухом пленника.

Факел рисовал на стенах мало кому понятные разводы. В их дрожащих завитках прятал свои щупальца и холод, с интересом разглядывая при свете жертву. Пленник оказался настолько слаб, что повис на руке, не имея сил распрямить колени и опереться носками о пол. Прозвучавшее имя открыло ему глаза, но веки в тот же миг вновь бессильно опустились, оставив для света лишь тончайшую сеточку из ресниц. Возможно, чтобы увидеть приближающуюся смерть.

Охранник, освобождая ей путь, ушёл, воткнув факел в расселину. Огонь потянулся следом за хозяином, но оторваться от маслянистой, пузырящейся пакли сил не хватило. Оглянулся на того, с кем предстояло коротать время, и несказанно удивился перемене, вдруг про-

изошедшей с пленником. И колени у того выпрямились, и ноги обрели упругость, и пальцы заработали, сжимаясь в кулаки. Значит, всё, происходящее с ним, – обман?

Но едва охранник вновь появился в пещере, русский обмяк, повис на наручниках, уронил голову на грудь.

– Смотри не подохни, падаль, – пригрозил конвоир.

Сказал на своём языке, но понятно и для огня, и для холода, и для несчастной жертвы. Но вместе с пренебрежением к пленнику в голосе послышалась и тревога. Скорее всего, в планы сторожей не входило заполучить подвешенный на наручниках труп.

– Эй, ты жив?

«Жив, – бессловесно откликнулся тот, кого назвали Егором Буерашиным. – Но ты подойди, посмотри».

Умолял не зря: вплотную охранники приближались к пленнику, если действовали в паре. Это случалось лишь по вечерам, когда снимали с петли – вывести в туалет и дать лепёшку с чаем. Сейчас день, и надзиратель зашёл один: пленник хирел на глазах и требовалось наблюдать за ним чаще.

Колумбиец приблизился настолько, что почувствовался запах чеснока и перегара. Егор задержал дыхание, и охранник сделал ещё один шаг. В ту же секунду Буерашин выбросил вперёд ноги, обхватил ими шею врага. Тот запоздало попытался отпрыгнуть, но свободной рукой пленник уже ухватил его за волосы. Правая рука обрывалась на цепи, не выдерживая двойную тяжесть, но Егор продолжал тащить к себе отбивающегося тюремщика. И едва позволило расстояние, замкнул ноги на горле у чесночного пьяницы.

Захрипели – один от боли, второй от напряжения. Победителем мог выйти только один, и когда под коленкой Егора мягко хрустнуло, тело охранника мгновенно обмякло.

– Стоять! – зашептал Егор, заваливая мертвеца себе на грудь.

Труднее, чем совладать с колумбийцем, оказалось удержать его на весу, не дать упасть: ключ от наручников лежал в кармане, и теперь предстояла не менее сложная задача – достать его.

– Стоя-ять, – уговаривая и угрожая, шипел Егор в ухо мертвецу.

Тело удержалось, и пленник смог опереться на одну ногу, дал передышку правой руке, по которой текла кровь от содранной кожи. Осторожно заскользил рукой к карману, боясь оплошным движением уронить труп.

Сумел. Дотянулся до вожделенного схрона, мелким воришкой запустил внутрь пальцы. Ухватил щепоткой нить, на которой – он помнил всегда! – висели два блестящих, словно от шифоньера, ключа. На этом силы кончились, и он опустошённо стряхнул с себя тюремщика. Теперь можно, теперь весь мир под ногами, когда в руках ключи от собственной свободы.

Передохнув и прислушавшись, Егор встал на труп. Не церемонились с ним, бьётся за жизнь и он. Дотянулся до наручников, не с первого раза, но попал ключиком в отверстие.

Рука, освобождённая из металлического захвата, упала вниз. От неё, покалеченной и прижаренной, помощи ждать не приходилось, и Егор сунул болявую меж оборванных пуговиц рубашки к животу: греться, лечиться.

Ещё пару секунд потратил на то, чтобы однолапо обшарить одежду убитого. Оружия не оказалось, попался лишь складной нож, а в нагрудном кармане куртки – плоская зажигалка да завернутый в фольгу кусок недоеденной шоколадки.

– Спасибо, – порадовался находкам Егор. Пленнику вредно мечтать о будущем: чтобы оно существовало, необходимо подчиняться только настоящему.

А оно звало к выходу.

Факел, остающийся в пещере в одиночестве, заметался от страха, потянулся за сокамерником – возьми с собой. Не возьмёт. От выхода сеялось зыбкое свечение наступающего дня,

и это шло бывшему заключённому на руку: ночью в сельве делать нечего, к темноте нужно готовиться, чтобы проснуться утром живым, а не ублажать брюхо койота или крокодила.

Густеющий с каждым шагом свет манил, но Егор как мог сдерживал порыв. Свободы ещё нет, она лишь приподняла вуаль со своего прекрасного личика. Существует ли внешняя охрана пещеры? С какой целью его прячут в сельве? От кого? Сколько времени прошло после ареста?³

Недалеко от входа слышались голоса, но охрана, на счастье, занималась утренней приборкой лагеря и пропавшего сотоварища могла хватиться не сразу. Но как узнали его имя? Кто из группы не выдержал?⁴

Егор осторожно осмотрел местность. Перед гротом лежала небольшая, свернувшаяся преданной собачкой, поляна. Справа – сборно-щитовой домик. Дверь распахнута, словно приглашает в гости. Спасибо, когда-нибудь в следующий раз. И желательно не в этой жизни. А вот налево должна уходить тропинка к туалету – это Егор помнил по ночным выводам. Где-то внизу протекает ручей – водили мыться. Туда по склону и легче бежать, но разведчик юркнул за пещеру. В густую, даже на вид непроходимую, влажную лесную гущу.

³ Разведчикам, находящимся в тюрьмах иностранных государств, день засчитывается за шесть.

⁴ Группу Е. Буерашина вскрыло РУМО – военная разведка США, после того, как советские боевые пловцы, обеспечивая скрытый заход советских субмарин в Карибское море, «заглушили» американские контрольные буи, установленные на морском дне. Более подробно о действиях советских боевых пловцов за пределами страны говорить ещё рано.

Глава 2

У старого с малым отношения – клятву пионера читать не надо, всё рядком и чередком.

– Дедуль, вот сколько живу на свете, столько и удивляюсь!

– Что я опять не то сделал?

– А глянь сам: одна колошина ворует, а другая – караулит.

– Так это я специально брючину закатал, когда ехал на велосипеде. Чтобы в цепь не попала.

– А дед Петя штанину прищепкой схватывает.

– Дед Петя живёт с выгодой. Он молодец.

– Ты у меня молодец лучше. Я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Старому с малым всё к сердцу, когда они рядом.

– А можно я поеду в Пустынь на багажнике, а не на раме?

– Можно, если пятки в колесо не станешь совать...

– Что я, совсем без царя в голове? У девочек ноги должны быть красивыми.

Фёдор Максимович Буерашин оторвался от корыта, по старости лет переведённого из помоечных нужд на хранение скобяной мелочи. В задумчивости посмотрел на девятилетнюю внучку, пытающуюся совместить Василису Прекрасную с Василисой Премудрой. Аня сидела на ступеньках крыльца перед ведром с запаренными отрубями, жеманно поглаживая пятнистые от зелёнки и йода колени.

– Красивые, красивые, – не позволила деду ни возразить, ни возмутиться девочка. – А то кто ж меня замуж позовёт.

– Не скажу насчёт замужества, а я точно не возьму, ежели язык будет мести помелом.

– И что мне теперь, немтырём расти? Ой, лихо мне, – внучка от праведного возмущения хлопнула по только что взлелеянным коленкам.

Получилось больновато, и, скрывая досаду, девочка закатила глаза к небу: прости, Боженька, моего дедушку, что такой непонятливый растёт. Это оттого, что по лесу в одиночку много ходит, леших пугает. Что ему знать о женской доле?

Посчитав, что просьбе хватило времени долететь до неба, достала карамельку: подсластить рот и судьбу.

– Расти как растётся, – разрешил внучке Фёдор Максимович. – Только кур не забудь покормить. И сама конфет меньше ешь, а то твои красивые ножки от сладкого возьмут и отвалятся. Вместе с ручками.

Настал черёд Анечке замереть: угадывала, сколь серьёзна угроза. На всякий случай быстро разгрызла сосалку, подвинула ведро и взялась разминать муку, слипшуюся комочками в горячей воде.

Вернулся к своему корыту и Фёдор, высматривая среди собранных за десятки лет гвоздей, гаек, штырей и болтов, моточков проволоки, подшипников, старых журналов «Наука и жизнь» запропастившееся зубило. Тому, видать, самому надоело царапать бока и нюхать ржавую труху, подлезло под руку. И не прогадало: хозяин огладил его ладонями, завернул в тряпицу и положил вместе с молотком в холщовую сумку.

Новое соседство для зубила оказалось благодородным. Тут лежали и обёрнутые в газету варёные яйца, и бутылка молока, и соль в спичечном коробке. Густел, настаивался в пакете с укропом запах варёной картошки, хлеба, малосольных огурцов, редиски, лука и помидоров. Сладко будоражили воображение и подтаявшие конфеты, так что новому постояльцу оставалось надеяться на тесноту, при которой можно протереть обёртку и подсластить губы.

Что касалось самого Фёдора, тому прожить день без крошки во рту – занятие привычное. Туесок собирался для той, которая о ногах и замужестве с девяти лет беспокоится.

Аня уже разбрасывала корм по двору:

– Куря, курия, курия.

Зря люди грешат на куриные мозги. Уйти от дома так далеко, чтобы не слышать голос хозяйки, – таких дур в птичьем семействе днём с огнём не найти. Мчатся по первому зову из любых закутков.

– Кыш, чужая, – замахнулась Аня, разглядев в стае подрезанный хвост.

Посторонняя курица редко бежит на чужой зов. За это и петух может настучать клювом по темечку, и хозяйка запустить чем ни попадя, и собака не поленится обгавкать.

Так что короткохвостка заранее знала за собой вину и отскочила от общей трапезы без лишних понуканий. Но поскольку маленькая хозяйка большого страха не внушила, а петух вместе с собакой сам подзагулял на чужих задворках, скатерть-самобранку не покинула. Сновала вокруг, исподтишка ухватывая крохи, отлетающие от перепачканных клювов соперниц. Так бы и насытилась невзначай, не вмешайся мужской голос:

– Пошла, топчешься тут. Степану квохтать будешь.

Хвосты своему выводку обрезал сосед, чтобы сослепу не кормить приبلудных. Но поскольку свой ларь с зерном он открывал раз в день, а в ковшик зачерпывал зерна не более трёх пригоршней, то квочки и шныряли голодные по чужим дворам, позоря хозяина.

– Всё, дедушка, – доложила внучка. Сполоснула руки в чугушке нагретой солнцем водой, делово поинтересовалась: – Дверь запирать?

– Запирай, а то Тузик куда-то хвостом вильнул. Но ты вправду сказала деду с бабушкой, что уезжаешь?

– Ой, дедуль, – вздохнула девочка, благоразумно не став больше бить по коленям. – Я же не с бухты-барухты согласилась в такую даль мостылиться. И Васька знает.

– Ну-ну, – покивал Фёдор, не особо доверяя ясному взору внучки: тут старого от малого разделяет целая жизнь. – Брата твоего самого ищи как блоху на собаке. Так что гляди, девка, сама: ежели хватятся, отлущуют тебя, а не меня.

– А мы им водицы святой привезём, ещё и похвалят, – успокоила Аня.

– Хитрая ты.

– Не хитрая, а умная. Сам говорил.

– Я много чего говорил. Только ты вот запоминаешь одну свою выгоду.

– Сердцу не прикажешь, – не к месту, но с полным оправданием себя пояснила Аня. И поставила точку: – А будем и дальше антимионию разводить, вообще никуда не доедем.

Ехать и вправду – не близкий путь, хоть и на велосипеде. По селу дорога ещё ничего, успели до перестройки уложить асфальт. А вот за околицей как стоял с дореволюционных времён бурьян, так и советская власть с ним не справилась. И хотя Фёдор пытался какое-то время крутить педали, спина взмокла быстро.

– А ты сиди, – остановил внучку, сам слезая с седла.

Но та, жалея деда, тоже спрыгнула наземь. Сняла сандалии: деревня приучает беречь обувь, а не ноги. Даже если они и важны для замужества.

Потащились по солнцепёку пешком.

– Дождичка бы, – помечтала Аня. Он ей и за пять копеек не был нужен, но бабки около магазина по нему вздыхали с весны.

На дождь дед согласился охотно:

– Не помешал бы.

– Господи, помоги, – опять повторила взрослые слова внучка.

Фёдор скопил на неё глаза: рано ещё в Бога ударяться. Когда глаза к небу поднять – жизнь подкажет, а не старухи у магазина.

Поднял гул самолётов. Военный аэродром располагался хоть и рядом, но уже на Украине, так что знатные женихи доставались украинским девчатам. Да и у военных, видать, кризис с горячкой, потому как редко нарушается тишина гулом моторов над Журиничами, не летают орлами, как раньше, по небу хлопцы.

– А мы на кладбище к папке с мамкой зайдём? – не смогла долго находиться наедине с собой Аня.

– К папке с мамкой надо ходить обязательно.

– Я им гостинец несу.

Оттопырила кармашек в сарафане, оглядела оставшиеся конфеты. Удивилась их малому количеству: если делиться с родителями, то выходило по одной. Запустила руку пошарить дыру, но худинки не нашла. Как испарились...

– А почему ты со вторым дедушкой не дружишь? – поспешила перевести разговор.

– Кто тебе отчебучил такую глупость?

– А у меня у самой глаз, что ль, нетути? – не дала провести себя внука. – И бабушка Маня часто вздыхает, что ты не хочешь с ними знаться.

– Бабушка вечно что-нибудь выдумает.

– Хорошо, если так, – согласилась на обман Аня и замолчала, нащупывая сквозь кармашек конфетки: эти хоть не исчезли?

А Фёдор задумался о своём. Возраст такой, когда внукам – сладкие конфеты, а ему – горькие воспоминания. А их у Фёдора Буерашина – целая жизнь, почти от Гражданской войны.

Хотя на судьбу грех обижаться, перепадали и счастливые времена за семьдесят пять годов. Да вот крылья у ангела, что прикрывал доселе их род, видать, сильно истончились, а беда как ждала за воротами. Сначала списали по сердцу из лётчиков старшего сына Ивана. Словно доказывая врачебную ошибку, боясь оказаться ненужным, сразу же подрядился на ликвидацию аварии на Чернобыле. Да ещё с женой. Успокаивал земным: за день работы в заражённой зоне – месячный оклад. Зато дом обустроят.

Да только когда это дармовая копейка счастье приносила? Свой угол с Марией не успели поставить, здоровье долго не продержалось. Купили имеющийся колхозный. Да пожили в нём совсем ничего, и всё больше в радиационных муках. Чернобыль закрыли в саркофаг, а Ивана с женой – в домовины...

Сердце ещё не перестало разрываться за детей, а на погост вслед за ними отправилась жена. Думал, после всех напастей от пушинки повалится, но и случившегося кому-то показалось мало – пропал младший сын Егор. Считай, с Нового года ни слуху ни духу. Был бы пьяница или коммерсант, волнений меньше: память отшибло или дела закрутили. Но тут расклад иной, офицерский. Военком, знамо дело, убеждён в лучшем:

– Раз процент от его зарплаты переводят вам строго по месяцам, то жив. Значит, он так велел финансистам делать.

– Но ведь не случилось, чтобы на 23 февраля не поздравил.

У военкома и на это свой расчёт:

– По погибшим платят другим макарон и один раз.

Майор вышел в начальники из местных и не чурался земляков. Шепнул военную тайну:

– Скорее всего, на каком-либо задании ваш Егор. Может, и за границей. Вот поглядите, моя будет правда.

При другом случае погордиться можно было бы секретным заданием сына, но ведь неспроста ни с того ни с сего эти почтовые проценты-переводы идут, всё-таки стряслась с Егором какая-то беда. Бог с ним, с Днём Советской армии, но и в День Победы весточки не подал...

А что не нравятся сваты, то сроку той занозе – с самой войны. И не он тому виной. В 41-м, при оккупации, выбор в селе встал одинаково для всех: или в партизаны на еловые шишки, или в полицаи – на сало. Времени на раздумья не оказалось, власть в районе поменялась за одну

ночь. И вышло у них со сватом глядеть друг на друга из разных окопов. И хотя по молодости война случилась, и отсидел за свою белую повязку на рукаве Пётр сполна, знаясь с ним Фёдор более не желал категорически.

Сюрприз поджидал Фёдора через несколько лет, когда подросли дети и пожелал его Иван взять в жены дочку Петра и Мани. Уж как просил не связываться! Грешным делом даже на городских девок кивал, приезжавших летом на молоко и чистый воздух. Сын лишь усмехался, подтверждая свою взрослость:

- Такой же чернозём, только издалека привезён.
- Но она ж дочь полиция! А потом полицейские внуки пойдут!
- Внуки будут партизанские.
- Ох, Ванька, дуришь.
- Не, батя, не дурю. Люблю, – бесхитростно улыбался Иван. – И жить нам с ней до гроба.

Пророчество нестрашное, если проговорено шуткой. Только вот с Чернобылем слишком быстро всё исполнилось наяву...

Вообще-то плохо старикам в дальней дороге, слишком много дум за порогом ждёт. А за спиной к тому же топают маленькими ножками новые большие проблемы. Переводы от Егорки и держат на плаву...

- Анютка!
- Аюшки?
- Ты там жива?
- Иду. Я пряткая.
- Не хвастайся. Жди, когда другие похвалят.
- От других дождёшься.
- Ох, не того боишься, девка. Люди страсть как любят косточки друг у друга перемывать.
- Тут правда твоя, дедуль. Зойка Алалыхина надьсь такое отчебучила – слухом не слыхивала о себе подобного, – Аня вздохнула своей горемычной судьбе. – Сама как роза из навоза, а туда же... Да что тут говорить, сам, небось, натерпелся за жизнь.

– Натерпелся.

Помолчали, припоминая каждый свои обиды от злых языков. Но поскольку обиды той вселенской от подруги наверняка было с хвост Степановой курицы, Аня ожила быстро:

- Деда, а может, к мамке с папкой в другой раз зайдём?
- Зачем в другой? Ты же им гостинец несёшь.

Понял уже, что Анюткины карманы пусты, но поблажки не дал: лучше наказать дитё сейчас и самому, чем потом это за тебя сделает жизнь. Анюткин язык, правда, для семерых рос, помогает ей крутиться и на горячей сковородке. Да только жизнь состоит не из одних слов.

– Дедушка! – вдруг встревоженно вскрикнула Аня.

Фёдор Матвеевич поднял голову. Возле одного из столбов, замерших вдоль дороги с обвисшими, словно казацкие усы, проводами, увидел людей. По машине узнал Бориса Сергованцева, первого фермера в районе, про которого устали писать даже газеты. Сын бывшего комиссара их партизанского отряда, а затем первого секретаря райкома партии Евсея Сергованцева, на встречу с которым в Пустыни и надеялся Фёдор.

– Дедушка, а что они делают? – вцепилась в рубаху Аня.

Испугалась не зря: Борис с шофёром, придавив к земле мальчика, надевали ему на шею металлический ошейник. Кто-то третий при появлении свидетелей юркнул в машину, и Фёдор, боясь угадать знакомую спину внука Василия, опустил взгляд на валявшиеся у обочины кукурузные початки. Крикнул:

– Что ж вы творите, ироды!

На него безбоязненно обернулись. Почувствовав слабинку в хватке, мальчик попытался вырваться, однако его ударили по ногам, заставив замереть.

– Езжай, дед, как ехал, – огрызнулся водитель.

Но Борис узнал прохожих, вышел навстречу, поднимая лёгкое пыльное облачко от потревоженной придорожной травы.

– Здоров, Фёдор Максимович. Куда собрался?

– Я-то собрался, а вот вы что творите?

– Не будет шляться по чужой кукурузе. Посидит до вечера – и другим закажет.

– Но на цепь... – не понимал Фёдор.

– Так если на веревку – перегрызёт, – в свою очередь не понял удивления фермер.

– Отпусти, – приказал старик, для острастки застучав передним колесом велосипеда по дороге. – Никто не давал тебе права людей за собак держать.

– Фёдор Максимович, ты мне не указывай, – улыбнулся Борис, не убоившись велосипедного гнева. – Земля моя, дадена государством, и я буду на ней делать всё, что пожелаю.

– Отца постыдись.

Напоминание не пошло на пользу. Борис раздражённо хмыкнул, развернулся идти обратно. Водитель уловил настроение начальника, побежал к машине, завёл мотор. Стараясь не пылить, бережно подал джип к ногам хозяина. Вытолкнул дверцу с нарисованной на ней молнией.

– Ты бы лучше уговорил его поехать в больницу, – попросил Борис лесника, закрывая глаза тёмными очками. Не попрощавшись, скрылся теперь уже за тонированными стеклами джипа весь. Был человек – и нету. Лишь мальчик остался на цепи. И в машине второй спрятался. Васька или, даст Бог, не он?

Прижал внучку, укрывая от взметнувшейся после машины пыли. Ветра не было, облако повисло надолго, и к столбу пришлось идти едва ли не на ощупь.

Мальчик лет тринадцати отрешённо сидел на земле. Походил на городского, и Фёдор первым делом поинтересовался:

– Ты чей?

Заложник пробормотал что-то неразборчивое и уткнул голову в поднятые колени, стыдясь своего рабского и воровского положения.

– погоди, Анечка, – Фёдор попробовал оторваться от внучки. Но та вцепилась мертвой хваткой, и только сейчас он заметил, что она дрожит. Положил на землю велосипед, присел перед девочкой. Заслоня заложника, постарался как можно спокойнее улыбнуться: – Это дяди так шуткуют. А мы поможем мальчику. Поможем?

Аня закивала, и старик снял с руля сумку. Отыскал в ней кулёк с конфетами:

– Вот, ещё гостинец маме с папой. И сама можешь взять.

Сладости пересилили испуг, и пока девочка возилась с кульком, Фёдор Максимович выудил молоток и зубило. Для иных целей предназначались, а в дело вступать придётся им раньше срока.

– Дай посмотрю, – подступил к парню.

Тот опустил руки, открывая схваченный болтом ошейник из медной пластины. Фёдор приноровился к цепи, и нескольких ударов по зубилу хватило, чтобы она разъехалась по столбу обрубленным хвостом.

– А ошейник дома ножницами срежешь, – посоветовал мальчику.

Аня сердобольно протянула ему конфету. Забота маленькой девочки совсем отняла у парня силы, и, поняв, что слёз не спрятать, он сквозь прорвавшиеся рыдания проговорил:

– Я приехал в Алёшки... а у бабушки кушать нечего, болеет... Я всегда кукурузу рвал...

– А откуда приехал? – попробовал отвлечь мальчугана Фёдор.

– Из Москвы. А бабушка лежит...

– А что ж вы в Москве не можете доглядеть за властью?

Спросил, прекрасно зная, что не мальчик виноват в балагане, устроенном в столице. Но ведь именно там чёртом из табакерки выпрыгнула суетливая и говорливая, под стать Горбачёву, перестройка. Расшумелась, разлаялась, заставила всех бежать, выпучив глаза. А куда и зачем – так никто и не понял. На кой ляд спешили? Кто гнал из тёплого и обихоженого дома? Выбежали вот на окраину кукурузного поля – голодные, злые, с ошейниками на детях...

– Как звать?

– Витёк.

– Ничего не бойся, Витя. А сейчас иди домой.

Пацан закивал: да-да, домой. Из дома выходить страшно.

Пряча неожиданные вериги под рубашку, не глянув на валяющуюся под ногами кукурузу, кромкой поля поспешил прочь.

– А зачем дядя это сделал? – никак не могла отойти от потрясения Аня.

– Денег много, – нашёл единственное объяснение Фёдор.

– А те, кому деньги с ветром приходят, ничего не боятся?

– Это как сказать... Ежели верить телевизору, то над нами в партизанах меньше пуль летало, чем сейчас над ними.

– А если у нас денег нет, то мы счастливые? – продолжала постигать высшую экономику Аня.

– Да нет, деньги нужны, раз мир на них живёт. Только надо различать, где ворованные, а где заработанные.

Уточнённая наука оказалась недоступной, и Аня лишь отрешённо кивнула. Дорога пошла под уклон, и снова можно было ехать на велосипеде.

– А можно я сяду на раму? – нашла внучка мужество признаться в страхе остаться сзади одной, без присмотра.

– Конечно. Мне даже удобнее.

Дальше ехали в молчании. Тут хоть за семьдесят тебе, хоть девять лет – мурашки от увиденного пробежали одинаково. А если ещё и Васька прятался в машине, то совсем худо. Где же Егорка, хоть бы он помог справиться с парнем. Или ему самому помощь требуется?

Глава 3

Ручей то подныривал под поваленные деревья, то протискивался меж скал и волочил себя по камням, чтобы через несколько метров увязнуть в топи, дав отдохнуть своему побитому, изломанному телу. Наглотавшись болотной тухлятины, сам же и вытаскивал себя из вязкой тины, чтобы вновь биться лбом о новые стволы и скалы. Ему бы угомониться, свернуться калачиком в каком-нибудь укромном местечке и стать озерцом на радость себе и природе...

Но манила горный ручей неведомая даль, ждала его у подножия Анд почтенная дама сверхбальзаковского возраста – Магдалена, считающаяся самой большой рекой Колумбии. Ради встречи с ней ручей и готов был настырно выбираться из сельвы на просторы льянос⁵.

Ручьям и рекам в сельве другая напасть: как ни прячься в заросли из бамбука, кокосовых и слоновых пальм, под коряги каучуконосов, как ни старайся идти гладью, без шума, но в любом случае к ним приползёт, прискачет, прилетит великое множество всякой твари по паре. И за право припасть губами или клювом к влаге, а значит, за право выжить в сухой сезон на берегах идут жесточайшие схватки.

Жить хотел и человек-шатун, спускающийся вместе с водой в долину. Ручей в горах – единственно точный проводник, которому можно безоговорочно верить, потому что течь он может только в долину, только к большой реке, только к океану.

Опасность для человека таилась ещё и в том, что кроме зверья берега рек облюбовали и люди. И если поселения полукочевых племён индейцев беглец обходил достаточно спокойно, лишь по необходимости лакомясь на их полях бобами, маисом, ячменём, то когда на пути представляли плантации из кустарников коки⁶ и опийного мака, он уходил резко в сторону. Наркодельцы, в отличие от пещерных тюремщиков, даже именем интересоваться не станут. Для них проблема свидетеля исчезает только вместе с ним.

Судя по разбитой обуви, перетянутой лианами, шатун шёл по чаще довольно долго. На шее ожерельем висели нанизанные на прут мальки, превращаясь на влажном солнце в тарань – для разнообразия пищи и в запас. Кто знает, сколько ещё той дороги, куда выведет?

Вывела к широкой пойме, на глубоком дне которой, повторяя полукруг берега, теснился к океану город. Над ним колыхалось марево, искажая предметы и скрадывая расстояние. Человек, раздирая в кровь тело, покатился по крутому склону к этому миражу, но в какой-то момент сумел остановить себя. Он не смог бы рассказать, какие растения укрывали его от сторонних глаз, какой живностью питался, какой сегодня день и месяц и даже в какой стране он на данный момент находится. Но ведал иное: самое страшное в разведке – это потерять бдительность на последнем шаге. Когда кажется, что всё позади, и начинаешь беспричинно улыбаться, уверовав в удачу. А под ногой – ловушка. Капкан. И всё сначала – плен, пытки...

Человек присел на корточки, огляделся. На слух отыскал увильнувшее в сторону русло реки. Нашёл в его извилистом, зажатом камнями теле укромный изгиб. Разделся. Сначала постирал одежду, потом тщательно вымылся сам, используя вместо мочалки песок. Словно товар на прилавок, выложил на ствол слоновой пальмы бороду, постарался поровнее отчекрывать ножом лишнюю длину. Развеял волосы среди тростника.

Знал, учили: не потому он смог оторваться от погони, что преследователи оказались плохими ищейками. Настоящий охотник не гонится за зверем, он перехватывает его близ водопоев, на перевалах, у переходов через реки и ущелья. По отношению к Егору задача у них одна – водворить беглеца на прежнее место. К прежним оковам. Но уже на обе руки. И на ноги тоже. И шею. И каждое утро затягивать на них болты на четверть оборота. Сначала это покажется

⁵ В Колумбии так называют саванну.

⁶ Из листьев коки добывают кокаин.

незаметным, но со временем именно рассветы превратятся в ожидание очередной ступеньки в сужающийся ад.

Не дождавшись, когда до конца просохнет одежда, облачился в неё и медленно заскользил вниз. Бездомные и нищие в Латинской Америке на каждом шагу, и до темноты следовало просочиться в город, затеряться в его трущобах, чтобы утром проснуться уже жителем пока ещё незнакомого ему города.

Марево над ним тем временем стало рассеиваться, делая более чёткой картинку. Однако путник всё внимание уделял берегам, где его могут ждать охранники.

Долготерпение вознаградилось: около одной из излучин мелькнули две фигуры. Это могли быть рыбаки, путешественники, туристы, обыкновенные горожане – издали рассмотреть их не представлялось возможным. Но звоночек прозвучал, тетива натянулась: на пути в город находятся люди. Разведчик застыл, не сводя глаз с опасного места, и не успели они заслезиться от напряжения, увидел парочку вновь – она возвращалась тем же маршрутом.

«Пост парный, по обе стороны реки, на видимом расстоянии, ночью усиленный, с использованием приборов ночного видения и сторожевых собак», – выдал для себя беглец возможную конфигурацию засады. По крайней мере, он бы организовал патрулирование именно так. А если часовые двигаются по берегам методом «ножниц», навстречу друг другу, то скоро мелькнут опять.

Мелькнули. Угадал. Ура! В смысле ничего хорошего.

– Ничего хорошего, – прошептал беглец по-русски, и это подтвердило: тюремщики находились на верном пути к его разоблачению.

Взгляд зацепился за песчаную полосу вдоль воды, на которой млеял на солнце вальяжный крокодил с раскрытой пастью. Около застывших челюстей скакал на тонюсеньких ножках коричневатый, с бело-чёрной полоской, чибис. Временами он исчезал в пасти бронированного ящюра, выхватывая застрявшую меж клыков пищу или присосавшихся пиявок. И если в природе гармония нашлась у тьмы с холодом, то среди зверья нет более прочного союза, чем эта неожиданная парочка. Одна – универсальная зубная щетка, другой – склад пищевых продуктов. Уж они нашли бы способ скрытно преодолеть любой пост. Хоть по отдельности, хоть вместе...

«Вместе»...

Путник застыл от неожиданного озарения: не вместе, а вместо! И как он мог забыть «Закон крокодила»: не возвращайся по тому пути, по которому пришёл. Как ни универсально и неуязвимо бронированное чудовище с острыми гребёнками по спине, охотники за его шкурой прекрасно знают главный недостаток рептилии: в воду он возвращается только по своему следу...

Теперь для разведчика самую большую опасность представлял верткий и осторожный чибис. Он не только чистит зубы аллигатору, но является и непревзойдённым сторожем. В отличие от полицейских, птица бдительности не теряет, и если тревожно вспорхнёт, крокодил тут же сомкнёт все тридцать клыков и бросит тело в родную водную стихию.

Спецназовец вытащил нож, потрогал заострённый конец лезвия, похвалил чесночного полицейского, не покупившегося на хорошую сталь. Самая безопасная охота на крокодила – это, конечно, выстрелить в его улыбку, в уголок губ. Но где тот карабин!

Отыскав в зарослях корявый сук, проткнул его лезвием. В траве бесшумно подползти к сладкой парочке не удастся, самый оптимальный, но и самый опасный путь – это вода, приблизительно тридцать метров среди пиявок и возможных собратьев пляжного ловеласа! При этом зная, что крокодилы не сразу поедают свою жертву, а затаскивают её в подземные пещеры и дают время размокнуть, чтобы потом рвать кусками. Бр-р-р-р...

Охотник передёрнулся, но ступил в воду, держа наготове нож с уродливой рукояткой. Приходилось надеяться, что мощные особи не терпят рядом в водоёме себе подобных.

Человек поначалу шёл, согнувшись, вдоль берега, разрешая воде обгонять себя. Оставшийся десяток метров, не рискуя тишиной, погрузился в воду, поддаваясь её течению. «У

дороги чибис, у дороги чибис, он кричит, волнуется, чудак», – вспомнилась школьная песенка. На уроках пения каждый ряд в классе исполнял по одному куплету. Те, которые сидели справа от учителя, поневоле знали начало всех песен...

У самого берега ногу обожгло чьё-то прикосновение. Скорее всего, о тело споткнулся какой-нибудь малёк, но пловец поторопился на сушу. Это в Африке о попавшем в пасть крокодилу спокойно говорят: «Хаизуру схаури йя мунгу – Ничего не произошло, на то была воля Божья». Но не надо такой высшей воли! Нам желательно вкопать деревяшку с торчащим ножом в след, оставленный на песке аллигатором...

Вкопал. Отполз обратно в воду. Отплыл вниз по течению. Прихватив со дна камень поувесистей, восстановил дыхание и с шумом выскочил на берег. А вот теперь давай, чирик-пыжик, поднимай тревогу!

Чибис вспорхнул так стремительно, что едва не оставил лапки меж клыков. Крокодилу же пришлось сначала разворачиваться на сто восемьдесят градусов, а потом лишь бросаться к воде. Достичь её в один прыжок с коротких лап не смог, и тогда сильным гребком подтянул себя незащищённым брюхом к реке – да по песку, да по собственному следу, а там – по торчащему острию ножа. Из раскрывшейся пасти раздался утробный звук, ящур попытался вырваться из боли, жгущей снизу, но резкое движение только усугубило её. Спасение ждало в воде, и из последних сил зверь вновь потянулся к плещущейся мутной кромке.

Боясь, что добыча уйдёт, человек бросился к раненому чудищу, что есть силы ударил камнем меж глаз-перископов. Тут же отскочил, опасаясь удара хвостом. Вовремя – острый наконечник едва не достал ног. Охотник схватил новый камень, бросил его в открывшуюся навстречу пасть. Хвост вновь взметнулся, но уже не чувствовалось в замахе стремительности и неотвратимости возмездия. А спецназовец всё бросал и бросал в голову, в пасть камни. И коряга под нож, видать, попала удачная, держалась в песке надёжно, причиняя рептилии дополнительные страдания при каждом новом движении.

Когда обессиленный хищник оставил попытки вырваться из западни, человек сел неподалеку и, подобно чибису, принялся сторожить его. Это для аборигенов вся живность делится на два вида: много мяса и мало мяса. Змеи, косули, броненосцы съедаются сразу, а вот буйволы, крокодилы разделяются на части, мясо вялится на будущее. Знал и охотник, что делать. Сначала выпотрошить внутренности, отделить себе несколько кусочков мяса, по вкусу похожего то ли на курицу, то ли лягушку. Остальное закопать в песок, чтобы ничего не попало в воду и не привлекло запахом новых рептилий. Потом залезть внутрь чучела и на рассвете проплыть в нём меж полицейских постов...

...Рано утром по залитому солнцем, провонявшему рыбой городу бродил глухонемой старик. До него никому не имелось дела, и это помогало бродяге исподлобья изучать дорогу в порт.

Там кипела своя, прибрежная жизнь: люди скандалили, что-то меняли, продавали, попрошайничали, готовили кушанья. Бродячие музыканты выщипывали из гитарных струн популярную здесь мургу, выдували трели на свирелях-чиримиях. Детвора гоняла в футбол, бородатые метисы, особо не прячась, предлагали прохожим белые пакетики с наркотиками. А в воздухе витал, царствовал божественный запах касуэла-де-марискос – тушёных морепродуктов.

Здесь легко было затеряться на года, но в толпу старик не пошёл. Он отыскал себе местечко в тени пальмы, где никто не мешал оглядеть и изучить флаги на кораблях, стоявших на рейде и под погрузкой. Утешительного, судя по всему, ничего не увидел, и тогда позволил переключиться вниманию на себе подобных бродяг, рыскающих вокруг порта в поисках еды. Свернул к ним.

Глава 4

К Тихоновой пустыни народ прибывал на лошадях, велосипедах, машинах, а кто и пешком. Манила всех, конечно, в первую очередь родниковая вода. По преданию, первым стал на колени перед бившим из-под земли ключом и сделал глоток воды некий старец Тихон. Кто он, откуда, куда и зачем шёл – про то преданий не сохранилось. Чем глянулось ему это место, тоже осталось неизвестным, но у воды блаженно и завершил земную жизнь, отмаливая в долгих часах людские прегрешения. Тогда и потянулись к Тихоновой пустыни люди. А когда ещё и чернобыльская радиация непостижимым образом обошла святое место стороной, во всей округе уверовали в его целебную силу.

Анютке не сподобилось побывать в Пустынке раньше, и она глядела на скопление народа во все глаза.

– А люду-то, люду! Как в Москве, – прошептала заворожённо.

– В Москве поболее будет, – не согласился Фёдор, хотя сам последний раз бывал в столице едва ли не сразу после войны.

Боясь нечаянно нарушить чужие порядки, какое-то время оба приглядывались к паломникам издали. Пообвыкнув, подошли к ручейку в каменном жёлобе, под который люди подставляли посудину или просто ладони.

За порядком наблюдала старая монашка в склонённой молитвенной позе. Очнулась при появлении свадьбы. Неодобрительно глянула на шумливый людской клубок с гармонью внутри, но когда жених с невестой подошли к источнику, придала голосу надлежащую назидательность:

– Чтобы водица была целебной, промойте сначала ею глаза и уши. А то вы в городе слишком много плохого видите и слышите.

Молодые притихли, прилежно принялись тереть глаза. Монашка подучила и дальше:

– Вы забрызгивайте, забрасывайте воду внутрь, чтобы не веки, а глаза омылись.

Аня внимала происходящему с благоговением. Дождавшись своей очереди, попробовала повторить омовение по услышанным правилам. Старушка одобрилительно кивнула и, убедившись в установленном порядке, отошла к сосне, к стволу которой была прибита, словно скворечник, подставка для иконки и подсвечника. Прикрыв глаза, зашептала неслышимую молитву. Аня и здесь собралась последовать за ней, но Фёдор, наполнив бутылку, повернул внучку в другую сторону.

Там поодаль сидел, пристроившись на огромной бетонной лепёшке, седой полусумасшедший старик. Увидев Фёдора, поднял руку, заулыбался. Рядом с ним на бетоне, как на скатерти самобранке, лежала еда, которую старик шамкал беззубым ртом.

– Здорово, Евсей Кузьмич, – присел рядом Фёдор.

– И тебе не хворать, – ответил старик. Показал глазами на Аню: – Внучка?

– Ивана, – подтвердил Фёдор, усаживая девочку рядом.

– Жалко Ивана.

Фёдор лишь кивнул: когда молчишь про смерть сына, крепиться ещё можно, а голос подашь – всё, слёзы не остановить, слишком близки к глазам стали. Отвлекаясь, полез в сумку, вытащил зубило – длинный металлический палец, соединявший некогда гусеничные траки. В кузне ему расплющили один край, закалили – и служила поделка верой и правдой Фёдору лет двадцать, если не больше.

– Попробуем этим.

Наставил остриё в выбоину, примерился и одним ударом молотка отвалил кусок бетона. Аня, поглядев на счастливо улыбнувшихся стариков, дернула деда за рукав – пошли отсюда,

мне неинтересно, что вы делаете. Фёдор кивнул, но не двинулся с места, пока не отбил ещё один кусок.

– До зимы бы успеть, – оглядев глыбу, оценил будущую работу Евсей Кузьмич. – Надежда только на тебя, Федя. Я что-то совсем тяжёлый стал.

– Бориса видел, – отвлекая командира от болячек, сообщил Фёдор.

Но зря, наверное, сказал, потому что глаза Евсея Кузьмича помутнели, и он, повторяя друга, отвернулся, скрывая слёзы. Значит, это старческое – плакать по детям. Что по героям, что по непутёвым...

– А он меня довёз сюда. Но сказал, что в последний раз...

Фёдор обернул инструменты в тряпицу, подсунул под камень. Прикрыл тайничок травой.

– Ничего, Евсей Кузьмич, потихоньку-помаленьку, да одолеем. Не то одолевали. А на первый раз хватит – нам тоже пора, – кивнул на внучку. – Да и на могилки надо заехать. Не хворай, – вернул пожелание, полученное в начале встречи.

– И тебе того же, – поделился поровну добром старик.

Припадая на левую ногу, прошёл к велосипеду, придержал его, помогая Ане устроиться на раме. Долго смотрел вслед.

– Дедушка, а почему вы долбите этот камень? – отъехав на приличное расстояние, вернулась в свой мир любопытства Аня.

– Дело давнее, – попробовал отмахнуться Фёдор.

Но отказ получился ещё более интригующим, и девочка вывернула голову, требуя продолжения. Руль вильнул, колесо завязло в пыли, и пришлось остановиться. Забыв про вопрос, внучка нырнула носом в сумку.

– А давай на ходу есть, – предложила она не везти обратно съестные припасы. – И будешь заодно рассказывать.

– Ты, значит, есть. А я – мели языком.

– А ты не мели, а правду говори. С какой-токой надобности вы тут встретились, как партизаны? И его на войне ранило, что так сильно хромает?

– Это его поп в детстве побил.

– По-оп? Зачем?

– В церковь залез, иконы топором порубил.

– Ой, рягуйте, люди добрые. Дурак был?

– Комсомолец.

– И после этого его Боженька наказал, сделав сумасшедшим?

– Кто ж его знает, кто и за что нас наказывает... Только он не сумасшедший, Анечка.

Он просто старый.

– И он твой друг?

– Как тут сказать... Он в войну сначала комиссаром числился, а потом и вовсе партизанским отрядом командовал. После немца в первые секретари райкома партии вышел. Почитай, самым главным в районе стал. Но не зазнавался, всегда рукались при встречах.

– А поп?

– Отсидел своё в тюрьме, а когда вернулся, церковь уже под зерновой склад оборудовали. Ушёл молиться сюда, к источнику. За ним, как водится, люди потянулись. Евсей Кузьмич в отместку за ногу и приказал залить родник бетоном. Три машины ухнули.

– Так это он свой бетон отбивает?

– Наш с ним. Я машины привёл, Анечка. Я... А родник, как видишь, пробился в стороне.

Но мы с Евсеем Кузьмичом пожелали очистить его исконное место.

– Страшные истории рассказываешь, дедуль.

– Какие получились на нашу жизнь, внученька.

– Да-а, наплела она кружева, – согласилась Аня. Некоторое время шла молча, переваривая новости, потом осторожно спросила: – Дедушка, а если бы иконы, что он разрубил, остались целы, они бы спасли моих мамку и папку?

– Может, и спасли бы. А может, и нет. Радиация живёт без царя и Бога.

– А вот землю нашу, я слышала, они от врагов охраняют.

– Говорят. С севера – Тихвинская, на юге – Иверская.

– На юге – виноград. Дядя Егорка привозил, помнишь? Когда он ещё приедет?

– Скоро. И обязательно с подарками. Дядя Егор и тебя, и Ваську любит и не забывает.

– Я знаю. Только быстрее бы. Я Зойке хвалилась, что он бананы и ананасы мне дарил.

Так она знаешь, что удумала? Пусть, говорит, бананы едят обезьяны, а ананасы – как их там...

– Подходят вроде «папуасы».

– Во-во, точно. Прямо как припев к песне. А ещё какие иконы что стерегут?

– С запада русскую землю берегут Почаевская и Смоленская. А где солнце всходит, на востоке, – там сияет самая большая наша заступница – Казанская икона Божьей Матери.

– А баба Маня ещё про Владимирскую рассказывала. Что она в войну на самолете летала и спасла Москву.

– Ага, икона летала, а солдаты только кашу ели, – по-детски ревниво за личное прошлое хмыкнул Фёдор. Про то, что с Владимирской иконой вроде бы в самом деле облетали вокруг Москвы в сорок первом, бабе Мане он сам же и рассказал, прочитав в журнале. Но зачем при этом забывать, как погибали в это же время на земле солдаты?

– Дедушка, а откуда ты всё знаешь?

– Живу я долго.

Аня попробовала представить длину лет, при которых жил дед, но воображения не хватило. Перескочила на другую загадку:

– А почему твоей иконы нет? Ты ведь тоже охраняешь наш лес.

– Что его охранять-то, заражённый... Я не его охраняю, а от него. Остальную землю.

– Знаю. Чернобыль, дурында проклятая... А правда, что мы тут все тоже заражённые?

– Кто тебя так пугает?

– Зойка.

– Зойка антимию разводит. Слово услышит, своих десять прибавит – и уже другая история. Сама посмотри, какая ты у меня крепенькая.

Сказал, а у самого на душе – мутнее болота. Москвичи прошлым летом приезжали в Журиничи с приборами, замерили радиацию и подтвердили, что она накрыла только лес, да и то малым пятном. Оно хорошо обозначилось уже к середине лета, потому как листва и иголки стали в нём коричневыми. А вот расплозлось пятно или скукожилось, никто не знает. Потому как никто не приезжает больше с замерами...

За разговорами, едой и раздумьями дошли до поворота на кладбище. Скосив взгляд на обмякшую от жары внучку, Фёдор вновь прошёл мимо перекрёстка, лишь незаметно поклонившись в сторону родных могил: живые, да ещё малые, жальче мёртвых. Девочка в благодарность потерлась щекой о рукав деда, зашагала быстрее.

Возле хаты их ждали гости. С отыскавшимся Тузиком игрались белоголовый малец и девочка, а молодая женщина с двумя баулами поднялась со сложенных у палисадника брёвен.

– Кто это? – удивилась Аня.

Фёдор пожал плечами:

– Не знаю. Может, новая училка? Так вроде говорили, что уже не приедет.

Гости замерли перед встречей, и только Тузик виновато завил хвостом: да, я с ними ласков, но на крыльцо ведь всё равно не пустил. Не гневайтесь.

Глава 5

- Начинаем сначала. Значит, Оксанка – моя невеста...
- Не получишь. Я буду выбирать. Я их первая увидела. И Женька будет моим женихом.
- Вот пока ты научишься с ним вытирать сопли, мы с Оксаной и поженимся.
- Ой, ой, жених. Да на тебя ни одна порядочная не глянет.
- А вот сейчас и узнаем.

Аня забежала вперёд, стала посреди улицы, растопырила руки, не давая Ваське тронуться с места. А уж ругала себя – не миловала! Никто не тянул за язык хвалиться перед братом гостями-постояльцами, а тем более расписывать Оксану, младшую сестру новой учительницы – и что ладная она вся, и косы не остригла, и по-городскому умеет разговаривать. Тут не то что у Васьки, у последнего шелудивого кота глаза заблестят.

– Не будь медюляном, – продолжала увещевать Аня. – Им с дороги отдохнуть требуется, а в гости к ужину звали. И всех, а не одного тебя, кралю неумытую. Вода вон в речке вольная, иди хоть глаза протри. И на голове как чёрт копейку искал.

– Иду куда хочу и каким хочу, – отодвинул Василий сестру. Сама виновата, что вкусно рассказывала про невиданную девицу, поселившуюся в их родительском доме.

– Ага, шлындал где попало весь день, а теперь подавай ему и тонкую, и звонкую, – маленьким, но стойким бульдозером упёрлась ладонями брату в грудь Аня.

Да только разве остановишь такую дылду, как Васька, – высоченный, крепкий от сала и картошки. И что самое страшное – тоже красивый, как подарок под ёлкой. Точно понравится Оксанке...

– А вообще-то она дробненькая. Наверное, болеет, – спасая себя, вытащила Аня последнюю соломинку. Хилая хозяйство не потянет, а без скотины в деревне не прожить.

Брат смял преграду и продолжил путь.

– А у тебя пятница из-под субботы видна.

Васька на ходу заправил торчавшую из-под рубахи майку. Горемычно вздохнув, Аня поплелась следом. После смерти родителей им с Васькой приходилось попеременно жить то у одного деда, то у другого, так что родная изба стояла пустая и пришлась к месту для новой учительницы с сестрой и братом.

– А дед меня не искал сегодня? – идя на мировую, поинтересовался Васька у сестры.

– Дрова распилены, курей я накормила, картошка растёт – нужен ты больно кому до осени, – фыркнули сзади.

– Да вот Оксанке и буду нужен, – не услышав прощения, снова наступил сестре на мозоль.

А самому не терпелось глянуть на городскую постоялицу, в которую успел влюбиться по одному рассказу Аньки. И пока другие ребята не налетели женихаться, требовалось закрепить её за собой. Из деревенских девок какие невесты, если каждый день видишь, как они топчутся в сапогах по навозу?

Не успел подумать, как на улице нарисовалась Зойка Алалыхина, его зимняя пассия. Ведьма – хуже Аньки, всё про каждого на десять дней вперёд знает. Вот с какого рожна именно сейчас сняла с привязи телушку? Как будто зима не придёт, не настоится та в четырёх стенах. Голову на отсечение, что пронюхала про новеньких и выглядывает, что к чему...

– Здоров, Васька. Домой?

– А ты что это скотину раньше времени гонишь? – ушёл тот от ответа. Не хватало, чтобы ему задавали вопросы. Да ещё летом, когда городских девок в селе полно.

– Потом некогда будет, «Мануэль» по телевизору. В клуб придёшь?

– Приду, – пообещал сразу, лишь бы отвязалась. И Анна – не потому, что хотела помочь брату, а просто из природной вредности, добавила нужное:

– Туфля вон в коровьей лепёшке.

Ведьма ведьмой, а вид свой перед женихами Зойка блюла – вместе с телушкой как ветром сдуло. Дорога к Оксане открывалась снова, но перед самой хатой Василий, хоть и прислуживал чуб, всё же застеснялся явных смотрин.

– Сделаем так, – начал он окончательно перетягивать на свою сторону сестру. – Ты спрячься, а я зайду домой, как будто ничего не знаю.

– Дулечки тебе, – за все свои переживания показала два кукиша Аня. Да ещё вспомнила, как городские шевелят при этом большими пальцами: – Знаешь, как креветки моргают?

В другой раз получила бы по шее, но тут брат лишь поинтересовался:

– А ты хоть раз эти креветки видела?

– Видела. И даже ела!

– Ага, когда во сне летела с печки на лавку. Но если хочешь, куплю, когда увижу в Суземке, – закончил на миролюбивой ноте Василий.

Аня замерла: смеётся или совесть проснулась? Соглашаться на невиданное лакомство или дальше не давать жизни? Выход подсказала житейская мудрость: Васька с Оксанкой всё равно когда-нибудь увидятся, а тут, какая-никакая, а надежда на выгоду...

– Иди, олух царя небесного, – разрешила свидание, не забыв, однако, выставить условие: – Если они гостинцев дадут, поделишься.

– Всё отдам.

...Обживаться в Журиничах основательно или только переждать в них подступающую зиму, новая учительница Вера Родионова ещё не определилась.

Село насчитывало до двухсот дворов, школа, клуб, больничка имелись, и до Суземки, районного центра, асфальт. А оттуда до родного Брянска на электричке всего пару часов. И хотя Журиничи считались тупиковым селом, потому как сразу за коровником начиналась Украина и дороги обрывались, Вера радовалась другому: после получения работы ей, наконец, разрешили забрать из детского дома под опеку брата с сестрой. Не оказалось после распределения и проблем с жильём: как и обещали в районо, местный лесничий Фёдор Максимович Буерашин выделил для постоя дом своего старшего сына.

– Под твою фамилию, дочка. Пусть это будет твоя новая родина, – ободряюще улыбнулся, сам радуясь тому, что дом сына вновь наполнится жизнью.

– Вер, смотри, что написано про здешние места, – копавшийся в книжном шкафчике Женька показал «Географию Брянской области»: – «Суземь – непроходимые места, глухомань».

– Ничего, люди живут, – успокоила Вера. Занялась сумками с едой. – Оксанка, хлеба нет. Из дома ещё не выходили, магазинов не знали, но это ли проблема в селе? Церковь, хлеб и песни тут всегда в центре.

– Я с ней, – первым выскользнул за дверь Женька.

На крыльце нос к носу столкнулся с парнем в цветастой рубахе, завязанной узлом на животе. Подался назад, но гость протянул руку знакомиться.

– Не бойся, это мой брат, – послышалось с улицы.

Стараясь не встречаться с Васькой взглядом, Аня вошла в калитку, протиснулась в сенцы. На правах свахи кивнула появившейся Оксане:

– Это Васька, брат. Тоже можете познакомиться.

Уличённый в потаённых желаниях, Василий слился с самыми яркими цветами на своей рубахе. Оксана, ни в чем не виноватая, тоже зарделась не меньше, схватилась за косу, зарылась пальцами в русую плетёнку.

– Господи, сейчас дом загорится! – ничего не упустила из вида Аня. Подтолкнула в спину Женьку: – Пойдём отсюда.

Но не была бы собой, не остановись у калитки и не подучи своего потенциального жениха, – но так, чтобы слышали старшие и на крыльце:

– На красивых девочек так нельзя смотреть: или их сглазишь, или сам ослепнешь.

На всякий случай торопливо вышмыгнула на улицу. Васька, не смея поднять глаз от застывших в косе девичьих рук, принялся оправдываться:

– Болтает много.

Он ослепнет – это ладно. А вдруг ненароком и в самом деле сглазит? Несмотря на длинный язык, Анька ведь и сотой доли не сказала о красоте замершей рядом девочки. Неужели она и впрямь будет жить в его доме, и они окажутся в одном классе?

– Мы за хлебом собрались, – тихо проговорила Оксана, меняя разговор.

– О, и мне дед наказал буханку купить, – придумал на ходу Васька, тут же с ужасом отмечая, что в кармане нет даже гнutoй копейки.

– Покажешь, где магазин?

В горле пересохло окончательно, и Василий смог лишь кивнуть.

– Ну вот, уже и ухажёры появились, – вслух проговорила Вера, проводив взглядом ребят в окне.

Обвела хозяйским взглядом избу. Кухню от передней комнаты отгораживала ситцевая занавеска. Два окна, между ними обеденный стол. В углу – резной деревянный диван, над ним – божничка с иконкой, покрытой, словно невеста фатой, белым рушничком. На стене радио, зеркало, отрывной календарь неизвестно какого года. Далее дверь во вторую половину избы, отведённую под спальню. Железная кровать с никелированными дужками спинок, два дивана. Как раз на всех хватает спальных мест. Круглый столик с телевизором, этажерка с книгами, платяной шкаф. По два окна на улицу и в огород. На полу самотканые половики. Печь побеленными боками выходит в каждую из комнат, так что зимой должно быть тепло. Вот только дров заготовить...

Немного прибравшись, поставив на кухне посуду под свою руку, вновь выглянула в окно. В самом начале улицы крутились у поваленного на землю мотоцикла ребята. Там же появилась и Оксана. Парень, что-то увлечённо рассказывая ей, нёс пакет с хлебом, сестра по привычке теребила косу. Их обогнали Женька с Аней, что-то крикнули. Сестра опустила голову ещё ниже, ухажёр погнался, размахивая пакетом, за дразнилками. Мог догнать, но не стал – наверное, только делал вид, что услышанное обидело или возмутило его. Вернулся к Оксанке, подстраиваясь под её шаг.

Вышла в сенцы искать ведро и тряпку – дом обживается, когда вымыты все углы, какими бы чистыми они ни казались...

Глава 6

Июльским вечером в одном из колумбийских портов встал на погрузку сухогруз под редким для этих мест советским флагом. Корабль тем не менее ждали: слабосильные портовые краны, покачиваясь от напряжения, начали переваливать через борт контейнеры. По сходням под контролем полицейских и таможенников зашныряли грузчики, таскавшие в трюмы коробки с провиантом.

Загорелый молоденький капитан, для солидности не выпускающий зажатую меж пальцев трубку, поглядывал то на часы, то на клонящееся к закату солнце. Экипаж поджимали сроки, но более всего капитан рвался услышать звуки фанфар в родном Владивостоке по случаю завершения первого самостоятельного рейса на другой континент с пересечением экватора.

Экватор и подводил более всего: солнце здесь убегало с раскалённого неба столь стремительно, что два раза затянулся трубкой – и волны уже прячутся в собственную тень. А в открытый океан хотелось выйти засветло.

В порту тоже не имели нужды затягивать время: на погрузке-разгрузке деньги делаются на количестве обработанного груза. Так что сходни скрипели без устали, и капитан, успокаивая себя, стал поглядывать на гуляющих по набережной мулаток и гремучих самбо – потомков негров и индейцев.

Зато скорейшего наступления ночи желал глухонемой грузчик. Он медленнее всех сбегал по пружинистому трапу на берег, невольно задерживая общую цепочку, дольше всех устраивал грузы в трюме и даже улучил минуту, чтобы перекусить маисовым блином, доставшимся ему утром от немецких туристов. А когда на него прикрикнул бригадир, и вовсе исчез. Таможенников и полицейских отношения среди грузчиков не волновали, зато бригадир позлорадствовал: поглядим, что промычишь при расчёте. Из жалости взят в команду, без жалости будет вышвырнут из неё.

Команда сухогруза успела отдать швартовы за мгновение до того, как солнце коснулось водяного горизонта. Океан от соприкосновения с водой не вскипел, не прогнулся, и к месту их неспешного поцелуя устремился, набирая обороты, корабль с красным флагом на мачте.

За рейдовыми бочками в машинное отделение с капитанского мостика нырнула по металлической слуховой трубе команда: «Стоп, машина». Здесь капитаны прощаются с местным лоцманом, после чего на судне полностью восстанавливаются законы страны, под чьим флагом оно идёт.

Отправив катер с лоцманом, капитан спустился в каюту и избавился наконец от представительской трубки. Прежде чем взяться за сортировку документов, подвинул к себе портрет девушки на ромашковом лугу. Подмигнул ей, тронул фото пальцами, но вдруг почувствовал в каюте постороннего. Войти мог только старший помощник, но стука не было, и капитан, заранее улыбаясь наваждению, обернулся. И вскочил, увидев в дверях глухонемого портового грузчика.

– Я свой, – проговорил тот на чистейшем русском и поднял руки, всем видом призывая не делать резких движений.

– Откуда? Почему? Как? – выгадывая время и приходя в себя, капитан схватился за курительную трубку. Хотя хвататься, конечно, требовалось за трубку телефонную...

– Я свой, – ещё раз попытался успокоить хозяина каюты глухонемой бородач. – Надеюсь, кроме меня, никто не зайдёт к вам без вызова?

Однако тот наложил палец на селекторную кнопку:

– Я вызываю старшего помощника. Кто вы?

– Скажем так, сотрудник одного из наших силовых ведомств. Мне необходимо нелегально вернуться в СССР. И, если возможно, срочно выйти по закрытой связи на Москву. В экипаже обо мне никто не должен знать.

– Ваши документы, – потребовал капитан, не принимая условий.

Бородач, оглядев свою рваную одежду, усмехнулся, и капитан настаивать посчитал излишним. Хотя в мыслях уже выстраивались предположения. Первое: он спасает разведчика, и к лаврам покорителя океана ему прибавляется медаль на грудь за участие в спецоперации. И второе: это, несомненно, провокация, и вместо триумфа на Родине его ждут наручники в нейтральных водах.

Пришедшие на ум версии тащили в противоположные стороны, и тогда он, несмотря на молодость, решил разделить то ли славу, то ли ответственность со своим помощником, которого не без оснований подозревал в тесных отношениях с особым отделом пароходства. Да-да, в игре пятьдесят на пятьдесят лучше ни медали, ни наручников.

– Я вызываю старшего помощника, – вновь предупредил неожиданного гостя капитан. И когда тот пожал плечами – смотрите, я всё необходимое сказал и отныне вся ответственность ложится на вас, – нажал клавишу на пожелтевшей от времени и солнца подставке с мембраной:

– Старший помощник капитана, зайдите ко мне.

На всякий случай развёл руками перед грузчиком-разведчиком-провокатором: извините, у меня своя служба.

Настороженность стала пропадать лишь по мере удаления американских берегов, а когда до Владика остался один шаг циркулем по карте, капитан и вовсе спокойно вздохнул. Корабль выходил из нейтральных в территориальные воды Советского Союза, провокации не случилось, а значит, таинственный незнакомец, которого и портовое начальство по радио приказало беречь пуще корабельного компаса, – и в самом деле разведчик!

– Теперь вам можно выходить на палубу и не прятаться от экипажа, – разрешил капитан таинственному бородачу.

Тот не преминул воспользоваться свободой. Вечерело, прямо по курсу надвигалась гроза, но разведчик поспешил на нос корабля.

– Домой, – сжав кулаки, прохрипел он. На просьбу капитана укрыться от непогоды улыбнулся и выбросил руку вперёд: – Домой.

Капитан, озабоченный подступающим штормом, радости не разделил. Остановился рядом, облокотился на леера:

– До дома ещё дойти надо.

Пассажир и сам понимал, что родные берега ещё далеко. Но разве это важно, когда всё пережитое навсегда осталось позади?

Глава 7

Как ни торопилась Вера в Суземке к обеденному автобусу, он ушёл без неё. Расписание показывало, что очередного рейса на Журиничи ждать около четырёх часов.

– Вечером они не ходят, детка. Уже с неделю на привязи, как телки, – разочаровала грузная рябоватая бабуля, сидевшая на мешке с картошкой рядом с остановкой. – Бензина нетути. Картошка молодая не нужна?

– Нет, спасибо. А как теперь...

– Если далёко – то ножками, близко – на крылышках. Далёко?

– Журиничи.

– У-у, забралась твоя красота за кудыкину гору. Иди на окраину, авось, кто подвезёт.

Ругать Вера себя не могла – делала всё, чтобы быстрее дооформить документы на опеку. Да только ведь государственные бумаги в России никогда быстро не подписывались.

Кивнув советчице, пошла на окраину райцентра – вдруг и вправду кто-то будет ехать. А нет – придётся и впрямь пешком. Далёковато, но к ночи точно дойдёт.

Пожалела, что купила пряников да халвы – теперь этот килограмм тащить двадцать километров. Идти или всё же постоять? Всего на каких-то пять минут опоздала – и теряй теперь половину дня. Одно счастье, что документы приняли...

Сплетя косичку из трав, рюкзаком приладила сумку на спине, высвободив руки. Оглянувшись с последней надеждой на Суземку, тронулась в путь. Потихоньку да помаленьку, за мечтами да песнями и дойдёт...

Взвейтесь кострами, синие ночи!

Мы пионеры – дети рабочих...

Нежаркий ветерок пузырил юбку. Поначалу Вера стыдливо одергивала его, потом улыбнулась страхам и перестала обращать внимание на игры ветра с подолом: тут и захочешь – никто не увидит на двадцать вёрст вокруг.

Радостным шагом, с песней весёлой

Мы выступаем за...

Из-за поворота вылетела машина, и Вера едва не присела, утихомиривая лезгинку ветра с юбкой. Чёрный джип с молнией на дверце пронёсся посреди дороги, и отступившая в пыль Вера гневно обернулась вслед. И прикусила язык – джип разворачивался.

– Далёко, девушка? – в окошко остановившейся рядом иномарки выглянул круглолицый водитель.

– Так вы же ехали в Суземку, – не дала себя обмануть Вера, прикрывая травяную плетёнку. Ей интересен тот транспорт, который по пути.

– Так вам часа четыре идти до любого села, а мне крутануться – пятнадцать минут.

Разница во времени произвела впечатление, и Вера пожала плечами:

– В Журиничи.

– Садитесь, доброшу.

– Так вы в Суземку...

– Так пятнадцать минут...

Улыбнулись повторам, и Вера быстро сняла с плеч поклажу. Позорная плетёнка отрываться не хотела, и пришлось затолкать её внутрь сумки. Не без робости открыла дверцу с

нарисованной молнией. В салоне оказалось настолько чисто, что она скосила глаза на свои пыльные туфли. Торопливо протёрла их о щиколотки.

– Что-то не видел я вас в Журиничах раньше, – плавно тронув машину, поинтересовался водитель. – Меня Борис зовут. Борис Сергованцев.

– Меня Вера. Родионова. Мы только приехали, буду учителем.

– Тогда наверняка не последний раз видимся, – Борис, не отрывая взгляда от дороги, дружески протянул руку. Дотянуться смог лишь до колена попутчицы, и прежде чем Вера отдернулась, сам вернул ладонь на руль – не придавай значения, это всего лишь товарищеский жест.

Только как не придавать, если сумка подмяла под себя платье и колено оказалось оголённым.

– Мне неудобно. Давайте я выйду. Вам же в Суземку, столько времени из-за меня потеряете, – напряглась Вера.

– А мне жалко ваши ножки.

Огляди Борис её ноги, Вера точно потребовала бы остановиться, но водитель безразлично продолжал смотреть на дорогу, и она успокоилась.

– А я по приказу партии и правительства поднимаю сельское хозяйство по линии фермерства, – доверительно открыл тайну своей деятельности и достатка Борис. И наконец, повернулся к попутчице, оглядел её. Не удержался от комплимента: – Красивая. Повезло Журиничам.

И снова, опережая протестные действия Веры, переключился на дорогу. А Вере волнение: как реагировать на подобные откровенности? Вроде не наглеет, а на добрые слова грех обижаться. Только и никто не дает повода и прав распускать руки и язык...

Впереди показалось жёлтое пятно автобуса, который они так легко догнали. Наверное, лучше пересечь в него. Однако Борис добавил скорость:

– Через пять минут будете дома.

Ещё через минуту догнали велосипедиста, выехавшего на дорогу со стороны Тихоновой пустыни. Вера узнала деда Федю, устало крутившего педали. Несмотря на затемнённые окна, прикрыла лицо рукой, боясь, что хозяин дома увидит и узнает её в салоне. Он на велосипеде, а она королевой... Хотя что здесь постыдного или запретного? Надо полагать, Борис любого отставшего довёз бы...

Из-за лесополосы, разделяющей поля двух соседних колхозов, показалась журиничская водонапорная башня с кокетливой шляпкой аистиного гнезда. Дальше – уже людские глаза и пересуды...

– А можно... я пройдуся, – с мольбой обернулась Вера к неожиданному спасителю. Только бы не обиделся и не посчитал за неблагодарную...

Водитель с пониманием отнёсся к просьбе, начал притормаживать, дотягивая расстояние ближе к селу.

Едва машина замерла, Борис уже с нескрываемым восхищением оглядел её.

– Не смотрите так.

– Я хорошо смотрю.

– Я чувствую, что хорошо. Но... Мне неудобно.

– Ты красивая. Очень, – вдруг мгновенно перешёл на «ты» Борис. Не позволяя Вере никакой реакции, заторопился: – Не ругайся. Я рад, что увидел тебя. Можно, я вечером приеду сюда же? Как стемнеет...

– Нет! – Вера распахнула дверцу. – Спасибо вам большое, я бы и впрямь долго шла. До свидания.

– Но я буду ждать.

– Нет, – уже на ходу замотала головой Вера.

– Всё равно буду!

Едва не вприпрыжку Вера заторопилась в село, благо машина осталась стоять на месте. Пусть уезжает. Ни к чему всё это... Но почему он стоит? Обиделся? Она не хотела.

Не выдержав, обернулась. Борис, сойдя на обочину, рвал цветы. Ясно, что не для неё, мало ли кого встретит на обратной дороге. А знакомство и впрямь неожиданное и приятное.

Заторопилась к дому, но сбоку вдруг мелькнула огромная тень, заставившая её испуганно податься в сторону. Из окна неслышно подъехавшего джипа Борис протягивал ей букет полевых цветов. А ведь ей сто лет не дарили их. Вообще не дарили!

Едва она взяла подарок, Борис бросил джип вперёд, резко, двумя движениями развернулся и, коротко просигналив, пронёсся мимо. Значит, и впрямь опаздывал, а из-за неё теперь будет нестись, навёрстывая время...

Вера смотрела вслед, пока машина не скрылась за лесополосой. Счастливо уткнулась лицом в жёсткий букет и теперь уже в самом деле вприпрыжку побежала к селу, боясь, что дед Федя успеет доехать на своём велосипеде раньше, чем она скроется за калиткой.

Вечером попыталась быстрее уложить Оксанку с Женькой, но те колобродили, поминутно требовали её к себе для разрешения споров.

– Спице, мне во дворе прибраться надо. Или со мной пойдёте? – припугнула неурочной работой.

Ребята замолкли, и она выскользнула из дома. Прислушалась, но гула машины не уловила. Вылила из ведра остатки воды, нетерпеливо-неспешно направилась к колонке – всё ближе к околице. За неё, конечно, не пойдёт, но интересно бы узнать, приезжал ли Борис. На такой машине, как у него, из Суземки и впрямь – всего пятнадцать минут.

Деревенская тишина, в отличие от городской, наполнена звуками, но ни один из них не относился к шуму мотора. Ну и ладно. И с чего она взяла, что такой представительный и богатый глянет на неё, с травяной тесёмкой через плечо?

Расплёскивая воду от быстрой ходьбы, пошла обратно к дому. По-хорошему, надо подумать о том, чтобы завести в хозяйстве живность. Для той же маломерной козы трава за селом даром. А за ним тишина... Но с чего она взяла, что пошла бы на свидание? В институте, будь желание, каждый день могла менять женихов. Да только вместо свиданок в детдом к Оксанке с Женькой бегала при первой возможности. Сейчас собрались все вместе, а личной свободы, получается, ещё меньше стало. Смешно. Но зато вместе. Столько билась...

Погремела на крыльце ведром, давая понять ребятам, что вернулась. Спустилась, выглянула за калитку в огород. Его по весне Фёдор Максимович-то распахал, засадил картошкой, но надо полоть, трава поднялась выше ботвы. Если взять ведро и пройти по межам, то сразу за частоколом и суземская трасса. Кому какое дело, что она собирает в ведро? Может, жёлтые горошинки пижмы. Посушить на зиму. Насколько помнится, она и от ран, и от язв, и спазмов сосудов. Опять же и против моли, блох всяких. Сколько времени дом стоял нежилой? Тотто. Надо промыть его внутри именно с настоем пижмы. Если к тому же набросить платок на голову, никто и не узнает, даже если и увидит случайно.

Несмотря на возраст, это было первое назначенное Вере свидание. В институте в самом начале учёбы и впрямь знала одну дорожку и одну заботу – в детдом, заслужив среди студентов репутацию «синего чулка». Но даже когда редкие для пединститута ухажёры расхватили более свободных подруг, Вера продолжала снисходительно посмеиваться над парнями: это просто вы не знаете, какая я на самом деле! Как бы не оказалось поздно и не стали кусать себе локти, товарищи женихи.

Не стали. Со второго курса подружки принялись играть свадьбы, пошли «курсовые» детишки. Вот тут и подкралась если не паника, то тревога: а что же она? Чем ущербна? Чего греха таить, сама стала поглядывать на парней: где ты, суженый-ряженный, в красный угол посаженный? Где же тебя так долго носит?

Перед самым распределением разозлилась – да пошли вы все куда подальше, и без вас хорошо. Нашла силу демонстративно отказывать во внимании даже тем немногим, кто на выпускном вечере приглашал на танец. Может, была и не права.

Скорее всего, не права, потому что сейчас извивается среди бурьяна, оберегая себя от крапивы и репейника. Плохо, что не надела брюки. Хотя платок при брюках – это, наверное, смешно...

Представлять себя со стороны не хотелось, а уж давать оценку тем более. Идёт – и идёт. Встретит Бориса – поговорит, с неё не убудет, а нет – и впрямь наберёт пижмы. А с козой они всё же не справятся, сена на зиму без мужских рук не заготовишь. Легче договориться и покупать у кого-нибудь банку молока. Да и не куковать же в Журиничах всю жизнь. Осмотрятся, укрепятся семьёй после пятилетней разлуки и попробуют поискать чего получше. Господи, уже пять лет, как мамы не стало...

Огороды оказались короткие, не успела про жизнь подумать – а уже и суземская дорога перед носом. Вроде никто не видел...

Тут же присела: прямо перед ней горбатился в сумерках джип Бориса. Приехал! Пообещал – и приехал. К ней! Но ведь они совсем не знают друг друга. Поманил пальчиком – и прибежала? Какая же она дурочка!

Из машины лилась лёгкая мелодия, закат, придавленный облаками, отливал багровой полосой. Набиравший силу месяц, словно пастух, собирал вокруг себя стадо пока ещё бледных звёзд. Но как же сладко от беспокойства в груди! Выйти или отползти, вернувшись домой проторенной тропкой? Но зачем тогда шла! Человек ведь ехал, столько бензина сжёг...

Медленно привсталала, делая вид, что смотрит в сторону и ничего не видит. Приподняла над травой ведро. Она и впрямь вышла за пижмой. Только её найти ещё надо в сумерках. А ухо будет держать остро. Как он смотрел на её коленки! Как быстро перешёл на «ты»! Как был уверен, что она придёт!

Ох, что она делает...

– Я здесь.

Борис стоял в стороне от машины и наверняка видел все её приседания. Стало жарко, захотелось сбросить удушливый платок, но водитель уже оказался рядом. Взял за плечи, медленно, но решительно прижал к себе. Ведро мешало то ли ей сопротивляться, то ли ему прижаться сильнее, и он прошептал над ухом:

– Пустое?

– Нет, там пижма. Для отваров на зиму...

– Пойдём в машину.

– Нет!

Машина – ловушка, оттуда не убежать, там она беззащитна...

– Мы просто отъедем. Подальше от села.

Борис забрал ведро, взял Веру за руку и повёл к машине. Джип приветливо подмигнул подфарниками, отключая сигнализацию.

«Что творю, что творю», – ужасалась себе Вера, садясь в машину. Ведро загремело в багажнике. Отъезжать далеко нельзя, ребята одни дома...

Остановились на развилке дорог. Та, что шла на Украину, за ненадобностью зарастала травой, в её зелень и загнал машину Борис. Выключил фары, мотор.

– Привет, – повернулся с улыбкой.

– Привет.

– Ты почему меня боишься?

– Так я вас почти не знаю.

– А давай познакомимся ближе, – Борис протянул руку. Вера отшатнулась, но машина – она и впрямь без пространства.

– Не надо, – с мольбой попросила Вера. Где ведро? Ей домой...

– А ты со мной ничего не бойся, – не опускал руку Борис, по миллиметру приближаясь к ней.

О, как Вера чувствовала это тающее на глазах расстояние. Но ведь ничего не может произойти! Почему что-то должно произойти в такой красивый вечер? А руки у Бориса сильные, настырные, ласковые. И приучают, приучают к себе. Уже коснулся пальцами уха. Щекотно. Мамочка...

Борис забросил руку за Веру, наклонил к себе. Впился губами в щеку – достал только до неё, зато руки принялись выдёргивать заправленную в юбку блузку.

– Не-е-ет. Пустите!

Борис послушался, но только для того, чтобы начать новую атаку. Завыл сигнал – Вера случайно нажала на него локтем, но и это не отрезвило водителя. Он уже рвал пуговички на блузке, зарывался лицом внутрь. Вере бы сжаться, закрыться, но она пыталась бороться, невольно раскрываясь всё больше и больше. Руки Бориса уже хозяйничали по всему телу, и последнее, что ей оставалось, – это ударить каблуком по колену водителя. Тот вскрикнул от пронзительной боли, но успел перехватить женскую ногу, зажать под мышкой. Руль мешал навалиться на девушку, он потянулся отодвинуть спинку сиденья, и на этот раз Вера ударила водителя коленом. Удар пришёлся куда-то в горло, Борис захрипел и сам отпрянул в угол.

Рванув дверцу, Вера вывалилась наружу. Не оглядываясь, побежала в сторону села. И лишь когда завёлся мотор джипа, в испуге оглянулась, ещё не решив, убежать в колосающееся поле или отбиваться прямо на дороге.

Машина неслась прямо на неё, презрительно сигналила. Вера даже заткнула уши, чтобы не слышать пронзительного звука. Кувыряясь, из окошка вылетело ведро, и она едва увернулась от удара.

– Дура, – расслышала среди рёва мотора.

Поверила в спасение, лишь когда иномарка скрылась в темноте. Ноги подкосились, она села прямо на обочину и в голос зарыдала.

– За что? За что!

Сопереживая, у её ног безмолвно склонилась свадебный венец на жёлтой головке ещё различимая при луне низкорослая ромашка. На женские слёзы из ржи высунулась ватага васильков. Под ногами сбился в щепоточки щавель, сам навек обделённый сладким. Здесь же тонкой змейкой распласталась по земле повилика. Репейник деликатно отодвинулся на почтительное расстояние, почти в темень, то ли давая возможность женщине побыть наедине с горем, то ли оберегая от печального зрелища выводки своих липучих младенцев с фиолетовыми головками.

– Ничего не хочу, никого не хочу, – продолжала сквозь слёзы твердить Вера.

Застыли, боясь добавить неудобств, звёзды. Очистились звуки от звонкоголосых, но влюблённых лишь в самих себя, сверчков. Ветер, в иных ситуациях сам с охоткой вышибавший из людских глаз слёзы, переваливался неслышными волнами. Женщина плачет!

Но как не заплакать, если рядом, ближе васильков-ромашек, повилики, кислого щавеля и даже репейника, источает пронзительный горький запах полынь. А перед глазами дрожат повисшие гирляндами на тонюсеньких дужках сердечки кукушкиных слёзок. И мать-и-мачеха, конечно же, никуда не делась, подвернулась холодными, не материнскими щеками под руки: плачь, женщина, плачь. В жизни всё рядом. Не ты первая, не ты последняя...

Глава 8

Не зря, наверное, преграждали Егору Буерашину морские штормы путь на Родину. За время заточения он как-то подзабыл о политических страстях, кипевших в Москве, а ступил на родную землю, и оказалось: главное их в стране ничего нет. И не вывернись он сам из плена, никто всерьёз им бы заниматься не стал.

В Домодедово его по старой дружбе встречал лишь Юрка Черёмухин, с кем вместе начинали службу в КГБ и строили планы на нелегальную работу. Да только уже через пару лет им обоим поставили в личном деле красный штамп: «Известен противнику».

Обиднее всего, что сами они нигде не засветились и собирались свято исполнять главный принцип контрразведчика:

Увидел – молчи.

Сказал – не пиши.

Написал – не подписывай.

Подписал – откажись.

То есть я – не я, а что такое КГБ – вообще понятия не имею. Может быть, Комитет Глубокого Бурения.

Но какая-то сволочь из Управления кадров переметнулась к американцам, и мгновенно на всех, с кем соприкасался предатель или чьи личные дела брал в руки, поставили жирный крест. В виде того самого красного штампа, после которого работа за границей не светила контрразведчику ни при каких обстоятельствах.

«Прощтампованный» народ поник, заскулил, стал приглядывать новые должности. Егора попытались переманить аналитики, но носить по кабинетам пусть и умные, но бумажки его не прельстило, и через бывших сокурсников он предложил свои услуги ГРУ – Главному разведуправлению Генерального штаба.

– Зачем? – попытался отговорить Юрка Черёмухин, точно так же засветившийся, но остающийся на Лубянке работать в архиве. Ему спецназ не выгорал из-за «минус пять» на каждый глаз, поэтому он старался прикрыть свой физический недостаток излишней грубоватостью: – Ветра в заднице много?

– Хорошо, что Бога нет, а то бы он тебя наказал, – успел Егор щёлкнуть по носу будущего архивариуса прежде, чем тот отпрянул, придерживая чуть великоватые очки. – Давай лучше не теряться. И пожелай мне удачи.

Просьба оказалась нелишней: Егора в новом ведомстве буквально препарировали. Не в смысле проверки на благонадежность – комитетская чистка считается одной из самых надёжных в мире, а он своего прошлого не боялся: отец и мать в войну партизанили, старший брат Иван, списанный из армии по состоянию здоровья, был чернобыльцем. Так что озабоченность у новых командиров могла лишь идти по части его психологических, оперативных и физических способностей.

Намекали на жёсткую работу медкомиссии и особенно встречу с психологом, который после многочисленных тестов обязан найти наиболее слабые точки кандидата и давить на них в беседе: если в течение пятнадцати минут руки у того не вспотеют, допускают к этапу следующему.

У Егора не вспотели, потому что разрешили передохнуть и даже посмотреть какой-то пустой американский фильм. Интерес а особого у Егора не вызвал, втихаря намерился придремнуть в полутёмном небольшом кинозале, но благо быстро вспыхнул свет. И не случайно: ему поднесли блокнот и ручку с безобидной просьбой вспомнить и написать, сколько машин,

каких марок и какого цвета проехало в увиденном отрывке. Сколько машин остановилось, кто из них выходил, кто садился. В чём одеты, что держали в руках...

Вроде не сильно ошибся, потому что после этого его без денег и документов стали забрасывать на машинах и в самолётах в какие-то лесные дебри с задачей выбраться из них и незамеченным вернуться в Москву. Он стрелял, плавал, дрался, изучал дельтаплан и акваланг, боевую машину пехоты и малую сапёрную лопатку. Учился давить отвращение, поедая извлечённых из-под коры деревьев личинок. Спал привязанным к этим самым «санитарно-обработанным» стволам. Делал самому себе уколы. Утром мины обезвреживал, а вечером «подрывал» ими опоры мостов или цистерны. Отцеплял вагоны на ходу поезда. Непрерывно учил языки. В отличие от Лубянки, в военной разведке главный принцип формулировался намного короче: «Пришёл – увидел – уничтожил».

– Тяжко? – хитро улыбались новые сослуживцы, когда-то сами ходившие этими же лабиринтами испытаний.

– А мне присяга иного и не обещала.

Испытания выдержал, и его представили разведверям ГРУ. И сразу в элиту – группу дальней заброски, где, несмотря на погоны старшего лейтенанта, поставили на должность рядового бойца.

– У нас много своих законов. Но уясни главный – закон крокодила, – полагая, что новенький обязательно должен знать его, предупредил «Кап-раз» – поджарый капитан первого ранга с аккуратными седыми усиками, который и давал своё окончательное крокодильское «добро» на службу.

Он же определил новенького на южное, «песчаное» направление к «каплею» Максиму Оличу. Капитан-лейтенант, за какие-то диверсионные морские дела дослужившийся до командира группы и медали «За боевые заслуги», тоже не преминул напомнить о крокодиле. Но уже более конкретно:

– Никогда не ходи по тропам, где однажды уже ступал. Зашёл в одном месте – выйди в другом. В широком смысле – не дай поставить на себя капкан. Знаешь, как ловят крокодилов?

Вскинул голову, а на скуластом лице самодовольная улыбка: откуда вам, на Лубянке, знать настоящее боевое искусство во время броска «на холод»!

«Холодом» в ГРУ обзывались операции, сопряжённые с риском для жизни. По большому счёту, Егор мог в ответ щегольнуть чем-нибудь фирменным от «Комитета Глубокого Бурения», но гэрэушники ему понравились, и он промолчал. Придёт время, и Лубянка покажет, как и чем хлебают щи. Так что там крокодилы?

– Они возвращаются в реку тем путём, по которому выползли на берег. Охотники за их шкурами и вкапывают в этих местах ножи, о которые несчастные и глупые рептилии распарывают себе брюхо.

В «песчаной» группе почему-то оказалось много моряков, оттого они и баловались всякими страстями от пресноводных.

Хотя основным предметом для изучения оказалось так называемое страноведение – детальное изучение государств, где спецназовцы в силу каких-то обстоятельств могли теоретически очутиться. В какой мечети какой имам служит, кто любимая жена у наследного принца и когда она забеременела, сколько лошадей или верблюдов у владельца центрального рынка, какие газеты что печатают, пофамильные списки физиков и лириков – эти сведения должны были отлетать от зубов по каждому городу и более-менее значимому аулу на южном направлении.

Сведения, надо полагать, обновлялись постоянно. Если спутник засекал более-менее масштабную постройку, появлялась новая трасса, – резиденту шла шифрограмма: доразведать объект. В местной прессе упомянули на первой полосе новое имя – кто такой? И вот уже якобы

восторженные якобы туристы якобы случайно сфотографировали уголок интересного объекта, привязывая затем его к космической фотосъемке.

Подобной сетью опутывался весь мир, и страноведы, собери их вместе, могли бы рассказать о земном шаре увлеченнее и глубже телевизионного Сенкевича. Разве что не коснулись бы, наверное, Антарктиды. А там шут его знает, гарантировать в разведке ничего нельзя: о ней уважающие себя страны никогда ничего не опровергают, но и не подтверждают. Есть такой гениальный уход от проблемы – по умолчанию...

Первое серьезное испытание Егору Буерашину выпало на «Бурю в пустыне», войну в Персидском заливе американцев против Ирака в самом начале девяностых годов.

Трудно сказать, чем думали на «Военно-Грузинской дороге»⁷ советские политики и чьи интересы блюли, но «грушный» спецназ вдруг запрягли в упряжку к янки. И не просто участвовать в совместной морской блокаде Ирака, а досматривать идущие в эту страну корабли. Американцам оставалось лишь принимать доклады советских десантников, самим оставаясь как бы чистенькими: мы ни при чём, это русские ишейки лезят в корабельных трюмах.

Лазить послали как раз группу Максима Олича. Аукнулось, что в командирах ходил моряк. Спецназовцы подлетали на вертолётах к обнаруженному в море судну, по фалам скользили на палубу, нейтрализовывали команду и принимались шупать тюки и нюхать углы. Экипажи презрительно глядели на них, а надсмотрщики, опуская от стыда головы, докладывали по рации сидящим в вертолётах американским офицерам:

– Судно осмотрено, груз стратегического значения не имеет.

О-о, и как плевались, оставаясь одни. Как поносили даже не звёздно-полосатый флаг, а Москву, улегшуюся калачиком у подножия этого полотнища: откуда такое подобоострастие и унижение самих себя?

И тогда Егор Буерашин стукнул кулаком сам. Обнаружив при очередном осмотре в трубе ветхого рыбацкого судёнышка ящики из-под зенитных снарядов, тем не менее процедил по рации:

– Груз стратегического значения не имеет.

Ирак отбивался от американской авиации из последних сил, и боеприпасы ему были необходимы не меньше, чем советским офицерам чувство собственного достоинства и гордости за страну.

Но пока вылезал из трюма, на палубу спустился американский подполковник: скорее всего, наводка на подозрительное судно всё же к ним прошла. Солнцезащитные очки не скрыли, а скорее, подчеркнули высокомерие, с которым он глянул на Буерашина, квакнул что-то сквозь зажатую в зубах сигару.

– Перепроверить! – перевели его команду, хотя Егор понял смысл без суфлёра. – И снова доложить.

Качка на море отсутствовала, но Егор стал, расставив ноги и закрыв собой трюм. И хотя никогда не курил, выхватил у кого-то из своих сигарету, тоже вбил её себе в зубы:

– А пошёл он...

Подполковник побагровел, выдавая взаимное прекрасное знание языка вероятного противника, с которым хотя и на выгодных Америке условиях, но вынужденно пришлось объединиться. Подошёл вплотную. Тыча сигарой Егору в грудь, процедил:

– Ты – ещё раз!

Буерашин не сразу понял, что команду, уже не церемонясь и не играясь в военную тайну, отдали на его родном языке. Не ведая о последствиях, шагнул навстречу американцу, спасательным жилетом сминая его сигару.

⁷ После назначения в 1985 году Э. Шеварднадзе министром иностранных дел улицы Арбат, соединявшую МИД и здание Генерального штаба, стали называть Военно-Грузинской дорогой.

– Ещё раз тыкнешь, смою через клозет за борт. – И свою сигаретку, хоть и тонкую по сравнению с американской, но выставил навстречу белоголовому орлану, распластавшему крылья над карманом кремовой рубашки подполковника. Интересно, сам-то он хоть знает, что эта птица всего лишь венчает пищевую цепочку североамериканского региона? Пищевую, сэр! – Это ты тоже, надеюсь, понял.

Ещё как понял! Глаза вспучились, налились кровью, потом сузились в щёлочку. А Егору что бык, что японец. Ему ни вожжа под хвост не попала, ни водки он не перепил, ни на солнце не пережарился. Просто когда воду греют, она поневоле начинает кипеть. А Олич, который мог бы осадить, работал на другом судёнышке.

Так и замерли, сжав кулаки, на палубе иракского кораблика советский старший лейтенант и американец в подполковничьих погонах. Иракские рыбаки ждали своей участи на носу судна, зато разведзвери ГРУ вмиг разделились: одни оказались за спиной взвившегося сотоварища, другие – у подполковника. Вскинулись автоматы. Бунт. На чужом утлом судёнышке, на чужой войне СССР, похоже, впервые за годы перестройки выпростал коготки. «Наверх вы, товарищи...»

Сумасбродного демарша тем не менее оказалось достаточно, чтобы янки дрогнули. Несмотря на кружащие в воздухе вертолёты, главенствующую должность, не посмел перепроверить трюмы или послать лейтенанта туда же, куда сам только что был отправлен. Мертвецки бледные рыбаки-контрабандисты-оружейники глядели на Егора, как на Бога, и он сказал себе: никогда, нигде и ни перед кем больше не опущу голову. Я – советский офицер и сын партизана. И плевать на иное.

Усмехнулся американцу: и на тебя плевать тоже. Это в старости подумал – и забыл. В молодости же сказал – и сделал!

Хотя в действительности Егор сплюнул за борт. Всё же хотелось, чтобы снаряды дошли до Ирака.

А вот брызги полетели по закону ветра: его за выходку, естественно, по головке не погладили, из Персидского залива срочно отозвали. Готовился к худшему, однако вместо международного разноса ему пусть и втихаря, но бросили на погон ещё одну звездочку – ходи капитаном.

Так поверил, что даже среди руководителей остаются люди, отстаивающие интересы Отечества.

При расставании Олич всунул в «дембельскую» сумку Егора перламутровую ракушку и пластмассовую ящерицу, в хвосте которой располагалась точилка для карандашей.

– Передай сеструхе.

На ракушку Буерашин внимания не обратил, но ящерицу удивлённо повертел в руках. Командир успокоил:

– У Иры сейчас фамилия такая – Точилкина. Коллекционирует.

– Убью, – пригрозил «каплею» уже из Москвы Егор, когда встретился с Ирой у фонтана перед Большим театром. Миниатюрная, точёная, с белыми волосами по плечам – наверняка Бог минимум трижды поцеловал при рождении! А он – «сеструха»...

– Вам, – Егор вытащил из сумки подарки.

Ира по-детски хлопнула в ладоши и сразу же приложила ракушку к уху. И лишь услышав шум Персидского залива, спохватилась:

– Как Максим?

– Приказал сводить вас на кофе, – не моргнув глазом, соврал Егор.

Ира посмотрела на часы, сложила в мольбе ладошки, сделала бровки домиком:

– Если я опоздаю на работу, меня уволят.

– А после работы?

После работы её тоже удерживали какие-то планы, капитан Буерашин в них никак не вписывался, но слишком ярко блистала рядом женщина, чтобы просто так с ней расстаться. Он не имел на неё никаких прав, она не дала никаких поводов для дополнительного внимания, но единственная сила, с которой способны совладать монахи, но отнюдь не офицеры, – это женская притягательность. Эх, и на безмянном пальчике правой руки обручальное колечко. От какого-то Точилкина.

– Вы мне позвоните через месяц, – нашла Ира для него ближайшее времечко. Но точки над «і» расставила сразу: – И вы мне расскажете всё, что можно.

– А раньше? – обнаглел Егор.

– А раньше меня просто не будет в Москве. Спасибо. Я убегаю. Извините. До встречи. Самому-то будет заняться чем в Москве без меня? – стрельнула лукаво глазками...

Занятие нашёл «Кап-раз» для всей их «персидской» группы, вслед за Буерашиным по рекомендации союзников тоже выдворенной из залива.

– Я не стану потом спрашивать, как вы это сделали. Но дурость требуется пресечь, а жертвы исключить, – начал с непоняток «Крокодил», кося глаз на верхний левый угол карты, где ютились заморышами прибалтийские республики. – А теперь задача.

Она и повергла спецназовцев в шок. И было от чего, даже в сравнении с наглостью американцев в Ираке: один из прибалтийских городов отменял у себя действия всех советских законов. Через день-два в нём планировался митинг с требованием ко всем русским убраться вон из их цветущей республики.

– Пусть останутся потомкам и историкам вопросы присоединения прибалтов к Союзу – их референдумы, просьбы о вступлении в СССР, – пытался пощипывать ус «Кап-раз». А может, прощупывал на лояльность своих разведзверей перед отдачей приказа: – Нет особой нужды ворошить и то, что все годы советской власти Прибалтике, единственной из всех регионов страны, разрешали не перечислять деньги в союзный бюджет, а пускать их на развитие собственной инфраструктуры. Получая при этом из Москвы ещё и дотации. Естественно, в ущерб исконно русским городам. Так что Бог им судия, ныне орущим, что якобы они кормили Россию.

– Лаять – удел шавок, – согласился кто-то.

– Или мосек.

– Если это не одно и то же, – взял на себя роль рефери Олич, тем самым подтверждая готовность группы к выполнению задания.

Однако командир рассуждал и делал политические выкладки не зря. «Персидские морячки» притихли, едва дослушав командира: группе предстояло действовать в родной стране и как бы против собственного народа.

– Кто-то из шибко мудрых в Кремле порекомендовал спецслужбам спровоцировать столкновения на улицах города, – продолжил «Кап-раз». – И уже под этим прикрытием, объявив чрезвычайное положение, ввести в регион дополнительные войска для разгона митингующих.

На этот раз реплик не последовало: слишком серьёзно закручивалось всё в родной стране...

– Но если там, – «Кап-раз» поднял взгляд сначала вверх, что могло означать Кремль, потом перевёл его на Буерашина, как на недавнее олицетворение Лубянки, – если там не могут найти более элегантного выхода из ситуации, мы обязаны спутать все карты. С обеих сторон. И история уже нас простит и рассудит.

И добавил фразу, которую Егор с момента перестройки не слышал от руководства страны:

– Делаете вы, отвечаю я.

Для людей сведущих никогда не являлось секретом, что ГРУ и КГБ жили как кошка с собакой, стремясь первыми добежать до Генерального секретаря ЦК КПСС с добытой информацией. Первым отрапортовал – отличился! Но чтобы ГРУ само замахнулось на Кремль и конкурентов... Неужели власть настолько слаба, что ею можно манипулировать из какого-то кабинета на Полежаевке? Быстрее бы приходил к власти Ельцин, что ли? У того хоть и дурная, но есть воля...

– Я не стану спрашивать, как вы это сделаете, – повторил «Кап-раз» и отпустил группу из кабинета с проёмами в стенах, где за синими шторками располагались подробнейшие карты всех регионов мира.

Буерашин мало сомневался, что задача снова окажется «водной», раз ими рулят моряки. И не ошибся.

– Берём водозабор, – определил Олич окончательный вариант после прилёта в Таллин.

Взяли. Проникли туда, куда и мышь не могла прошмыгнуть незамеченной. Вылили в резервуары жидкость, заранее подготовленную химиками вкупе с биологами, и к обеду вместо митинга город сел на унитазы. Ни лозунгов тебе, ни столкновений, ни чрезвычайного положения – один понос. Лидеры всевозможных национальных фронтов бесились, Москва и Запад, каждый по-своему рассчитывавшие на этот митинг, недоумевали. А сделать всё красиво и непонятно для окружающих – каллиграфический почерк ГРУ, за красоту которого группе Олича выделили по три дня отпуска.

Всем, кроме Егора.

– На «минус два», – отдал «Крокодил» ему команду спускаться на два этажа под землю.

На «минус втором» располагалась «гардеробная», в которой годами собирались одежда и вещи для любых целей и задач в любой точке мира. От трусов до фраков, от бейсболок и шлёпанцев до шляп и ковбойских полусапожек. Значит, готовность номер один. Куда? К какому шкафчику подведут? У отбывающих за границу ни одного намёка на принадлежность к СССР не должно быть, даже родных пломб в зубах, не говоря уже о клейме советских прачечных на белье.

– Готовься в Латинскую Америку, – «Кап-раз» провёл Егора в самый угол помещения. Пригладил и без вмешательства идеально подправленные усики, распахнул шкаф с летними песчаными костюмами. – Пойдёшь «на холод»...

И вот «холод» кончился, и Егор вправе был рассчитывать хотя бы на служебную машину, чтобы не ловить такси с архивариусом Лубянки.

– Да тут без тебя напряжёнка непонятная по всем линиям, – уловив разочарование на лице друга, попытался оправдать «грушников» Черёмухин.

«В любом случае не такая, как была у меня», – поджал губы в детской обиде Егор: не каждый день вырываются пленники самостоятельно. Надежду на жизнь, конечно, давал негласный договор всех разведок мира: поскольку разведчики являются военнослужащими, то их физическое уничтожение приравнивается к нападению на страну. Тюрьма – да, перевербовка – да, но под расстрел подвести не должны были. Только это если бы держали официально в тюрьме, а не в пещере в сельве...

– Да вон бежит, кажется, кто-то из твоих, – вычислил Юрка в аэровокзальной суматохе родственную душу.

Бежал сам «Кап-раз». Он схватил Егора в объятия, приподнял, словно через лёгкую тяжесть веса подчинённого убеждаясь, что перед ним не призрак.

– Я рад. Остальное всё потом, – отстранился командир и с надеждой посмотрел на Юрку. – Добросишь товарища до дома?

Не дожидаясь ответа, ещё раз прижал к себе Егора, шепнув приказ:

– Сидеть дома, никуда не высовываться и ни во что не вмешиваться. Ждёшь только моей команды.

И подтверждая, что подчинённый не был забыт, что ценен и дорог, добавил ещё тише:
– Тебе бумаги на большую награду готовим. Высшую. Только т-с-с-с. И без меня никуда и ни во что.

Ошарашил – и исчез столь же стремительно, как и появился.

– Я же говорил, что у вас какой-то напряг, – обрадовался собственной дальнорукости близорукий Черёмухин.

Но Егор застыл от известия о награде. А почему, собственно, нет? Не к теще на блины ездил. А для человека военного звезда на груди порой весомее звёзд на погонах. Но что случилось в конторе? В честь чего напряг и суматоха?

Взгляд зацепился за электронное табло: 18 августа 1991 года. Не тринадцатое и вроде не пятница...

Глава 9

Томившийся от безделья и неизвестности Егор целые сутки тупо смотрел в телевизор, пока не стали показывать балет «Лебединое озеро».

Ничего не понимая в нём, переключил каналы, но по всем трём программам танцевали одно и то же. Такая синхронность могла повеселить или удивить, но для разведки однообразие несёт такую же тревогу, как и общая неразбериха.

Вышел в коридор – пуст, соседи на службе. Присел к столику с общим телефоном. Дежурный по управлению трубку не поднял, чего в принципе не могло произойти, и Егор вновь вспомнил календарь: может, страна отмечает какое-то событие, о котором он запомнил? 19 августа, понедельник. Праздники обычно по воскресеньям...

Когда балет на экране сменился мёртво застывшей заставкой о проведении в Останкино регламентных работ, Егор заторопился на улицу.

Она информации не прибавила. По крайней мере, транспорт ходил исправно, не заметил он и тревоги на лицах людей. Тянулась очередь к газетному киоску, но пресса, видимо, ничего не успела написать из происходящего, люди пожимали плечами и расходились по своим делам. Если что и вершилось в стране, то, наверное, в пределах Садового кольца. Но оно – не Россия.

Поспешил обратно в общежитие, боясь пропустить звонок со службы.

«Регламентные работы» в телевизоре закончились, экран показывал длинный стол, за которым сидело человек восемь. Диктор бесстрастным голосом назвал их ГКЧП – Государственным комитетом по чрезвычайному положению. Вице-президент Янаев стал зачитывать заявление Горбачёва, который в связи с болезнью слагал с себя полномочия Президента СССР.

Егор впился взглядом в экран. Болезнь, конечно, чушь, но неужели наконец убрали говоруна? «По России мчится тройка – Мишка, Райка, перестройка»... Вместе со вздохом облегчения, что наконец-то в стране нашлись люди, взявшие на себя ответственность за её судьбу, отметил Егор и нервозность новых руководителей, их заискивающие ответы на вопросы иностранных журналистов, дрожащие руки и опущенные головы.

Но всё равно – дело сдвинулось с мёртвой точки и должны уже идти необходимые команды для исполнителей. А уж среди них найдутся люди, которые проявят и решительность, и профессионализм в наведении порядка. Только бы не опоздали эти команды. «Крокодил» тоже приказал ждать их...

Приоткрыл дверь, чтобы не пропустить звонок телефона. А по телевизору начали показывать московские улицы, наполнявшиеся народом. Толпы, судя по репликам, направлялись на Лубянку. И отнюдь не дружелюбно.

Поспешил к телефону сам, торопливо набрал номер Юрки Черёмухина:

– Как у вас?

– Только что не лезут в окна.

И с надеждой, которой минуту назад у него совершенно не прослушивалось, попросил:

– Ты можешь быстро подскочить?

– Совсем плохо?

– А ты глянь в телевизор.

Экран бесстрастно фиксировал, как к памятнику Дзержинскому подогнали кран и Железному Феликсу набросили на голову петлю из троса⁸. Не балет. Не лебеди!

– Только быстрее, – поторопил Юрка, уже ни на кого, видимо, не надеясь. – Встречаю у тыльных ворот.

⁸ Это была последняя услуга Ф. Дзержинского своему ведомству: когда демонстранты направились громить здание КГБ, переодетые комитетчики перенаправили гнев толпы именно на памятник. И тем самым спасли Лубянку.

Но ведь «Кап-раз» приказал ни во что не вмешиваться... Или он рассчитывал на иное развитие событий? Тогда – всё можно.

– Быстрее, – ещё раз попросил Юрка и сам положил трубку.

Паники на улицах Егор не отметил. Да, собирались толпы около тех, кто громче всех говорил, но крикуны-агитаторы – это изначально провокаторы. Равнодушных, занятых собой и внуками старушек, подметавших улицы дворников, целующихся влюблённых было всё равно больше. Именно в этой пассивности людей, которые никуда не побегут, никого не станут свергать или защищать, могло оказаться спасение для страны. Может, и Юрка зря паникует? Подумаешь, собралась горстка перед Лубянской. Две пожарные машины с водомётами – и через полчаса особо ретивые сидят по домам, сушат одежду. Завтра, одумавшись, спасибо скажут, что не дали замутить бузу...

Черёмухин встретил у тыльных ворот центрального здания, протянул в узкую щель внутрь двора.

– Здесь загружено полторы тысячи личных дел агентов и находящихся в разработке фигурантов, – кивнул на грузовик-фургон с надписью «Хлеб». Рядом валялись выброшенные лотки, что говорило об истинном, а не камуфляжном предназначении машины. Очки у Юрки были всё те же, слегка великоватые, и после заботы об архиве он постоянно занимался их охраной на носу. – Надо прорваться на спецобъект. Иначе представляешь, что будет?

Представить списки агентов в газетах не было сложностью: времена для прессы наступили такие, что многие редакторы ради сенсации готовы в уголке юмора публиковать отчёты о похоронах собственной матери.

Хотя публикация списков иным митингующим как раз и поубавила бы пыл. Перед переходом в ГРУ Егор, несший службу в первом подъезде, сопровождал правозащитницу, на всех углах требовавшую открыть архивы спецслужб. Председатель КГБ сделал всё гениально и просто: пригласил её к себе в кабинет и, как понял Буерашин, показал личное дело отца, чьё имя долгие годы выставлялось как символ борьбы с тоталитаризмом.

Почитав протоколы, женщина на цыпочках вышла из «Детского мира»⁹ и как будто цементного раствора глотнула. Причина оказалась более чем банальна: по оговору её отца-символа в тридцатые годы было расстреляно более десяти его же друзей.

Ох, не плоской была история страны. Не чёрно-белой...

Только ведь наряду с подобными стукачами, которых, в принципе, как-то можно понять с позиций нынешнего времени, в картотеках имелись имена тех, кто предупреждал о терактах, безалаберности, антисоветчине. Кого внедряли в преступные группировки. «Подбрасывали» к иностранным посольствам. Кто закрывал каналы с наркотиками, пресекал похищения людей. Аксиома для всех стран мира: государство обязано защищать свои интересы, свой государственный строй, своих граждан. В том числе и негласными методами.

В первую очередь имена таких негласных сотрудников и спасал Юрка. И Буерашин молча протрубил ему гимн.

– Стреляем без предупреждения по каждому, кто приблизится. На крайний случай – взрываем.

О-о, какая же несусветная глупость посетила Юркину доселе светлую голову! Взрыв разматывает листочки по всей округе, а «секретка» обязана уничтожиться до последней буквы в документе. В ГРУ на этот случай держат напалм...

Но Юрке было не до подобных тонкостей. В своём окопе он, судя по всему, остался один, держал целый фронт и сопротивлялся как умел.

– В фургон или рядом поедешь?

– Не рядом, а за рулём.

⁹ Название комплекса зданий госбезопасности по магазину-соседу.

Оторвать козырёк у кепки и, проведя ею по пыльному колесу, нахлобучить на самые глаза, засучить рукава рубашки и повесить на губу вместо окурка хотя бы веточку-зубочистку, – и чем не водила из пятого или четырнадцатого автопарка? А очкарик рядом – это бухгалтер. С накладными на хлеб, который выпекается круглосуточно. Вперёд, на пекарню!

Ворота медленно открылись. Почуввав добычу, от толпы на площади отделились с десяток митингующих, готовых по той же методике сексотов¹⁰, которых сами же брезгливо выискивали, останавливать выходящие из лубянского комплекса машины или записывать их номера. Даже у хлебовозок.

Егор, как и полагается водиле из пятого или четырнадцатого автопарка, выплюнул им под ноги бычок и дал по газам.

А Москва упивалась свободой кричать, что вздумается, ходить там, куда вчера не пускали, ломать то, что не строили. Благодать: милиция загнана в подворотни, комитетчики дрожат по кабинетам, армию заперли в казармах. Как же сладка запретная выпивка! И разве заранее думается о похмелье?

В этом плане столице никогда не доставало мудрости. Да и откуда ей взяться, если сюда веками ползли поближе к власти проходимцы и лизоблюды, постепенно занимая места своих хозяев. И не прощая после этого никому своего предыдущего унижения.

«Крокодил» выжался проще:

– К дирижёрскому пульту прибежали барабанщики. С искренним убеждением: кто громче бьёт, тот в оркестре и главный.

Главным, судя по транспарантам и речовкам митингующих, становился Ельцин, что в сравнении с Горбачёвым представлялось не худшим вариантом в бардаке, заполонившем страну. Но если Ельцин и сам куражится в толпе, то толку не будет. Не тот водозабор в своё время брали в Эстонии. Нужно было сразу Московский, усадив на месяц-полтора на унитазы и Кремль, и Белый дом. На профессиональную радость жене Ельцина Наине, изучавшей специальность «Водопровод и канализация».

Ехали по враждебной Москве молча. Да и о чём говорить, когда за спиной фургон с личными делами фигурантов, а впереди – полная неизвестность и разбитая дорога, в которой даже хозяин архива плохо ориентировался.

Однако за Химками после некоторых раздумий он попросил Егора уступить ему руль, а потом и вообще вылезти из машины, дожидаясь возвращения на дороге. Егору бы обидеться, но сам себя и остановил: не в бирюльки играют, объект не выдаётся даже любимой теще. Напялил Черёмухе кепи без козырька и, снимая с него чувство вины, поторопил:

– Только мухой. Туда и обратно.

«Бухгалтеры» никогда не отличались классным вождением: грузовик неуверенно дёрнулся, рывками набрал небольшую скорость и скрылся в незаметный поворот среди только-только начинающих желтеть клёнов. Спецобъект – он и есть спецобъект, посторонний глаз не привлекающий. Может, это просто трансформаторная подстанция или склад металлолома...

Зато разгрузился и вернулся настолько быстро, что Егор не успел соорудить себе лежанку из лапника.

– Надо в Зеленоград, – высунулся через опущенное стекло кабины Юрка.

Очки на переносице наспех перетянуты синей изолентой: видать, уронил при разгрузке. Но это не мешало архивариусу пристально смотреть сверху вниз: если ты не согласен, я еду один. Честно сказать, Буерашин не ожидал, что в дохляке Юрке окажется столько твёрдости и ответственности. Но куда ему одному при минус пять на каждый глаз и с изолентой на очках?

– Надо! – поторопил Юрка.

¹⁰ «Сексот» происходит от оперативного термина «секретный сотрудник».

Зеленоград слыл яркой демократической зоной Москвы – именно оттуда приезжали на митинги самые многочисленные и по-военному организованные колонны с зелёными полотнищами транспарантов. Победа над ГКЧП могла добавить им агрессивности, и тут даже Ельцин не успеет всех привести в чувство.

– К Москве идут танки, – сообщил последнюю новость Юрка.

– Чьи? За кого?

– Не знаю. Скорее за Ельцина, – опустошённость Черёмухина была явной. – Начальник зеленоградского отдела получил сведения, что с минуты на минуту ожидается штурм его здания. Просит вывезти архивы.

– А что, на все КГБ – ты один? С украденной хлебовозкой? – раздражённо бросил Буерашин. А скорее, выплеснул эмоции от сообщения о танках. Не зря дрожали и опускали глаза на пресс-конференции члены ГКЧП. Так и не нашлось среди них никого решительного, идущего до конца. И Юрка прав – надо спасать хотя бы тех, кто помогал стране...

Черёмухин в ожидании ответа прилепил отошедший кончик изолянта на очках. Он стыдился за контору, ещё вчера приводившую в трепет весь мир, а сегодня прячущуюся по лесам. Но поскольку Егор сам был выходцем из Лубянки, горько исповедался:

– Перед твоим звонком увидел в туалете одного нашего генерала. Он рвал бумаги, бегал по толчкам и спускал в них обрывки. Грешным делом подумал, что уничтожает документы, но, оказалось, избавлялся от рукописи о демократах. Таким нынче стал КГБ, Егор. Грустно.

Зря Юрка стыдился – Буерашин сам отвёл глаза. Он не знал, что творилось на данный момент в ГРУ, но если и там генералы дрогнули, то куда возвращаться и кому верить? Или быстрее бы уж Ельцин брал всю власть в руки, чтобы утвердить порядок?

Зеленоградского комитетчика нашли мятым, небритым и, кажется, под градусом. Увидев хлебовозку, заглохшую у крыльца на последней капле бензина, он сразу обмяк: так бывает, когда приходит уже не ожидаемая помощь. Выводя его из прострации, Буерашин поинтересовался:

– Сто грамм есть? Меня зовут Егор.

– Серёга, – легко поддержал знакомство хозяин кабинета.

Бутылка с остатками стояла под столом – зеленоградец лишь опустил за ней руку. Но за закуской пришлось идти в угол, к холодильнику. Тот, потерявший в переездах переднее резиновое копытце, кивнул хозяину украшенным детскими наклейками лбом. И душу распахнул широко и светло: чем богаты, то – ваше.

Щедрость оказалась понятной, когда на ржавых решётках обнаружили лишь маслянистая банка из-под тушёнки с ломтиками пожелтевшего жира да надломленные, покрытые инеем, кусочки хлеба на одноразовой тарелке. Капитана смутило малое количество закуски, и он полез за добавкой в морозилку. Там ножом наковырял пропахшие рыбой кусочки льда и вывалил их рядом с хлебом.

Сдвинули почерневшие от чая разнокалиберные чашки – не на поминках. Тост предложил капитан, выдавая свою родословную:

– Казак пьёт в двух случаях. Первый – когда есть огурец. И второй – когда огурца нет. До дна.

Подмога и спирт, затушенный не менее обжигающим льдом, пробудили его к действиям.

– Предлагаю: не очень существенное перебросить в ментовку, с начальником отношения нормальные. Но мешков семь надо сжечь.

Костёр в лесу, на свет которого наверняка подскочат какие-нибудь вояки? Из тех танков, что опоясали Москву? Кто окажется командиром? А вдруг из желающих заработать у новой власти звезду на плечи или на грудь?¹¹

¹¹ Опасение было нелишним. К этому времени перешел на сторону Б. Ельцина с боевой техникой начальник штаба тан-

– Открытое место нежелательно, – похоронил Егор чью-то удачу на дополнительные блага. Там, где участвует он, халява не пройдёт...

Капитан макнул в жир скрюченный от возраста и холода кусочек хлеба, посмаковал прилипшие к нему жёлтые крошки. Потянулся к телефону, доставая из пиджака потрёпанную записную книжку со множеством записочек. Найди такую на улице, ни за что не догадаешься, что она принадлежит главному зеленоградскому контрразведчику. Но он отыскал в ней нужные цифры практически мгновенно – дольше набирал номер на таком же колченогом, как холодильник, аппарате:

– Борисыч? Что плохого в этой жизни?.. Молодец, и я про то же. Слушай, подошли-ка мне свою аварийку. И жди меня, я к тебе на ней подъеду. Всё потом. Давай.

Поправил, словно удачливую колоду карт, листочки в книжице, вернул её в лоснящуюся щель кармана. И только после этого соизволил пояснить:

– Тут у меня среди провинившихся начальник теплосетей. Сделает всё.

Котлы ТЭЦ – это хорошо, это надёжно. За это можно выпить.

Остатка в бутылке хватило на второй круг:

– Ну, раз нет огурца...

Раздался телефонный звонок. Пока Серёга, опустошая чашку, держал трубку на весу, все расслышали:

– Это КГБ? Сидите? Ну-ну, недолго осталось. Ждите.

Щекочут нервы перед штурмом? Или уверовали в свою всесильность? Где ГКЧП? Где аварийка, чёрт побери! И неужели у Серёги больше нет ничего в застакане? А рыба в морозилке лежала всё-таки поганая...

Начальник ТЭЦ сработал быстрее звонивших и угрожавших. Контрразведчики, предав хлебозвуку, в спешке побросали в жёлтый проём аварийки утрамбованные под завязку, опечатанные сургучной печатью мешки. Через минуту им гореть в топке, а всё равно от инструкции ни на шаг. Если в Книге рекордов Гиннеса есть раздел «педантизм», то КГБ явно претендовал на первую строчку.

На воротах ТЭЦ встречал сам Борисыч – сухонький мужичок в тесноватом, в катышках на животе, пуловере. Серёге кивнул несколько раз, чем подтвердил свои какие-то прегрешения перед властью. На попутчиков, сидевших на мешках, лишь покосился: более всего осведомители опасаются расширять круг знакомств.

– Надо сжечь, – кивнул на груз комитетчик. Икнул, поморщился от рыбной отрыжки, но довёл задачу до конца: – Срочно. При нас.

Борисыч поник, сделался ещё более сгорбленным и маленьким, и оказалось, что пуловер ему вообще-то впору. А катышки на нём оттого, что старик от волнения постоянно трёт ладони о живот...

– Что так? – недовольно поднял голову Серёга. Видать, сильно был обязан Борисыч органам, если тамошний представитель и мысли не допускал о невозможности выполнить просьбу.

– Сделаем, – со вздохом согласился поделиться огоньком начальник теплоцентрали. Махнул водителю, гусакон вывернувшему голову из кабины: – Подъезжай к главному корпусу.

Тот оказался не чем иным, как тюрмой-ангаром для томившейся внутри огромной избушки на металлических лапах. В её оконцах бушевало пламя, но мощные газовые форсунки все продолжали и продолжали выжигать ей нутро. Бедная Баба-яга! Говорят, при матриархате она ходила в жрицах и была прекрасной девушкой, и это мужики в отместку за своё прежнее унижение переиначили её в чудище. А тут ещё посягнули и на её кровь...

Серёга, ухватив мешок за чуб, потащил его по металлическим ступеням вверх, к смотровому лазу. Запечатанные в смертный саван документы не желали мириться с уготованной участью и цеплялись углами папок за стёртые ступени, боковые прутья перил. Ни Золотая Орда, ни инквизиция не тащили с такой настойчивостью людей на костры, как Серёга, не обращавший внимания на рваные раны мешковины, торчащие белые кости папок, кровавые пятна корешков-переплётков, свои документы.

Около заслонки Борисыч металлическими штырями, согнутыми и худыми, как он сам, поднимал накалившиеся от огня запоры. Егор, не желая повторять изуверство контрразведчика, затащил свою ношу наверх на плечах. Металлический квадрат оконца с грохотом откинулся на спину. Изнутри полыхнуло, обдав палачей жаром.

– Отлично, – порадовался Серёга всепожирающей мощи огня.

Приподнял свой мешок, примерился и, последнее мгновение посомневавшись, швырнул в попытавшееся вырваться из огненного ада пламя.

– Торопись, – прокричал сквозь гул Борисыч. – Давление уходит.

Из операторской будки под самой крышей ангара и впрямь выбежала женщина в белом халате. Увидев начальника, застыла у ограждения, но Борисыч махнул ей: всё в порядке, возвращайся к приборам. А когда Буерашин, сменив забронзовевшего от натуги, жара и решимости капитана, расстался с последним мешком, начальник ТЭЦ всё тем же металлическим прутом вернул дверцу на прежнее место. Вытирая о живот руки, подошёл к глазку, словно мог увидеть через него, как сгорают чьи-то истории и судьбы...

Ночью Егору, наконец-то опьяневшему, снилась эта печь. Смотровые глазки в ней оказались широкими, и потому он отчётливо наблюдал, как корчатся, обугливаются фотографии из личных дел зеленоградских фигурантов. А полужнакомый генерал в это время бегал среди унитазов и дёргал верёвочки сливных бачков. Выходила противная мелодия...

Наутро, увидев в новостях победоносное возвращение из курортного Фороса в Москву Горбачёва, поехал на Полежаевку. С рапортом. На увольнение. Подобное в армии следует делать по команде, но Олич, его непосредственный начальник, так нигде и не проявился, и Буерашин пришёл сразу к «Кап-разу»: вы меня принимали на службу, вы и выгоняйте.

Начальник сидел понурый и рвать с ходу листок не стал. Долго вглядывался в него: формат А-4, плотность бумаги до 80 граммов на метр квадратный. Для ксерокопирования. Экземпляр единственный. Копий не снималось. Только адресату.

Встал, прошёлся по кабинету. Остановился в углу, около огромного глобуса. Повертел его. Земля закрутилась, замелькала материками и океанами. Где-то в этом круговороте крутились он сам, Егор, Максим Олич, Юрка Черёмухин с хлебовозкой. Горбачёв с Ельциным. Все вместе, в космос никто не улетел...

Командир вернулся к столу. Выдвинул ящик, задумался. Егор не видел, что там находилось, но подумал: пистолет или собственный рапорт. Власть в те дни оставила служивым людям небогатый выбор: кому-то умирать вместе со страной, кому-то поднимать тосты за победу над ней.

– Служи, – «Кап-раз» медленно порвал листок с нервными ночными каракулями Егора. Выбросил бумажки в урну. – Страна-то остаётся. Люди остаются...

– Но я не желаю снова...

– Будешь желать! – вдруг резко перебил моряк, возвысив голос. – У нас сейчас на плечах не погоны, а судьба страны. И что, её тоже коту под хвост? Не дождутся. Неделя отпуска, пока во всём разберёмся.

Глава 10

Фёдора Максимовича разбудил телефонный звонок. Вроде встал по рассвету, потоптался по двору, смазал велосипед ехать в Пустынь, бросил горсть пшеница курам, обмолвился настроением с Тузиком. Да и прилёг обратно, чтобы грюканьем дверей да ходьбой не тревожить внуков.

По телефону звонили редко, в основном – начальство, но тут с другого конца провода закричал военком:

– Фёдор Максимыч, это военком. Доброе утро. А что я тебе говорил?

– Что? – никак не мог отойти от дрёмы и резкого звонка Фёдор.

– Что Егор твой жив-здоров. Встречай, едет.

Фёдор бросился к окну, пытаясь разглядеть сквозь ветки черёмухи улицу. Намеревался же после снега спилить, совсем из-за неё света не стало в доме, да закрутился, допустил, что расцвела. А у кого рука поднимется цветущую черёмуху да под корень? Таковую только ломать на букеты...

Выскочил наружу, набросив пиджак на майку.

Улица была пустынной. Моторы не гудели даже вдали, и Фёдор поспешил обратно в дом. Перво-наперво надо приготовить для Егора что-нибудь вкусное. Хотя тому любимая еда хоть в детстве, хоть в офицерах – сковородка поджаренной на сале картошки. Может, заслать Аньку к свахе, а та уж сподобится мясца сготовить, блинов напечь? А Егорка-то живой, живой! Отыскался. Где же пропадал целых полгода? Пора бы угомониться, перестать шляться там, куда другие даже не глядят! Ремня всыпать – и послушается. А у военкома не хватило ума сказать, когда точно ждать! Ладно, он сам от неожиданности все слова забыл, но майору-то по статусу положены чёткость и точность. В ногу был ранен в Афганистане, а не в голову, прости Господи. Теперь вот бегай по селу, будоражь людей. Хоть в колокол звони как на пожар.

– Что там, дедуль? – послышался из спальни голос Аньютки.

Заглянул к ней. Внучка вопрошала глазками из-под одеяла, Васька, разметавшись по дивану, спал непробудно.

– Надо потихоньку вставать. Дядя Егор едет. Военком доложил.

– Ура-а-а! А Васька знает? Ты пока не говори, я с ним на что-нибудь поспорю.

– Вставай, спорщица! Порядок в хате навести надо женским взглядом. Васька! Вставай тоже.

– У-у-у, – промычал тот, закутываясь в одеяло.

– Оксанка с Женькой в гости идут, – нашла мгновенный способ поднять брата на ноги Аня.

Всклокоченная голова взметнулась под потолок, Фёдор участливо посмотрел на внучку – никто за язык не тянул, выкручивайся теперь сама. Поспешил в кладовку удостовериться, что бутылка беленькой стоит среди закуток нетронутой. Как чувствовал, попросил неделю назад Степана купить в районе, куда тот возил в больницу лечить свой радикулит. Картошки пожарят, яйца, сало есть, капуста, огурцы – в подполе. Лишь бы правда была от военкома...

В кладовку заглянул Васька.

– Дед, а правда, что дядя Егор едет?

– Если военком не сбредал. Но ему нельзя, он при исполнении.

Внук исчез. Скорее всего, спор с Анькой всё же состоялся, и наверняка в её пользу. Посылать к сватьям, чтобы те тоже занялись чем-нибудь существенным к столу? Но не сглазить бы. А то начинает казаться, что майор и не сообщал ничего, что разговор с ним придумался как желанный спросонок. Сейчас он сам и позвонит ему в обратную сторону. А номер военкомата узнает по справочной. Сообщат, куда не денутся. С чего это они откажут? Он представится

– и пусть говорят. Мало ли какой вопрос его интересует! Например, как добираться Егору до дома? Автобус пойдёт только в обед, и то, если бензин найдётся. А он запряжёт в колхозе Орлика, он ещё ходкий, и через час дома будут. Но надо и впрямь сначала позвонить и ещё раз услышать от военкома новость. А ещё лучше, пусть Васька разговаривает. А то с Анькой спорить – тут он первый, а как в район трубку поднять – его нету.

– Васька, звонить будешь! – приказал внуку, входя в дом.

– Куда? – не понял тот.

– Куда, куда... Скажу, когда потребуется. Отказываешься тут!

– Да ничего я не отказываюсь. Хоть в Москву.

Москва не требуется, а в справочную и военкому – надо.

– Ладно, пойдём картошки накопаем да огурцов соберём. Анька, по хозяйству.

Суетливость деда больше всего подтверждала, что новость правдивая, и внуки закрутились без понуканий. Однако не успели выкопать и пяток клубней, в огород ворвалась Анна. Тузик путался под ногами, она шикала на него, но собака принимала бег за игру и мешала ещё больше.

– Уйди, проклятуший... Дедушка! Дедушка, дядя Егор едет! Прямо сию минуту. Звонил из Суземки... Ой, бабоньки, я вся, – села на жердины, приготовленные под новый забор.

– Так... автобусу ещё рано, – у Фёдора перехватило в горле. Опёрся на лопату, обретая устойчивость.

– А его, как короля, на машине.

– Васька, живо приберись около крыльца.

Тот по пути дёрнул за волосы сестру и скрылся за углом дома.

– Анютка, картошку чистить, – остановил Фёдор внучку, погнавшуюся за братом.

А сам не мог двинуться с места. Значит, не подвёл своё слово военком. Правду сказал. А что на машине привезут Егорку – это хорошо. Чай, заслужил, чтобы не на телеге тащиться или даже в автобусе. И народ пусть бы увидел, как уважают его сына.

– Степан, – крикнул через забор. Соседа хотя и не видно, но наверняка во дворе колупается. – Степан, покажись на минуту.

Тот вынырнул над узким гребешком забора – мордочки нет, одни уши и козырёк картуза. Обычно он всё лето в трусах и галошах на босу ногу, но после того, как схватил радикулит и пролежал полтыщи в больнице, жадности чуть поубавилось, достал фуражку.

– Егор мой отыскался. Везут из района на машине. Так что, если не хватит беленькой, я у тебя займу. Потом отдам, – успокоил сразу.

Козырёк с ушами кивнул и скрылся за досками, чтобы больше ничего не попросили.

А Фёдор вдруг вспомнил, что не брился с прошлой недели. Заторопился в дом, бросил мыло на картон из-под книжной обложки, налил банку тёплой воды, начал взбивать мокрым помазком пену.

Успел выскоблить лишь одну щеку, когда у дома затарахтели машины. Да много – он обомлел, глянув в окно и увидев штук пять всяких разных и иностранных тоже. Убиравшийся на крыльце Васька кинулся навстречу вылезшему из первой «Волги» Егору. Анька, заревев от обиды, что не она первая, бросила в кастрюлю недочищенную картофелину и выскочила непокрытая. Стерев полотенцем пену с небритой щеки, Фёдор подался вслед за ней, но ноги вдруг надломились в коленях, и он, нащупав рукой деревянный резной диван, обмяк на нём.

– Да что ж это такое, – силится перебороть свой неожиданный недуг, помогая руками расправить и закрепить ноги. – Люди ведь ждут.

А на улице голоса, очень много голосов и боязливое повизгивание Тузика со двора.

– Дедушка, смотри, дядя Егорка мне подарил, – влетела в дом Анна с хлопающей ресницами огромной куклой.

– Хорошо. Помоги мне, внученька, – попросил Фёдор, протягивая руки.

Анна стремительно и ладно подставила под них плечики, словно всю жизнь провела в сиделках, – у старого с малым свой генетический код, своя историческая память на выручку. Первые шаги дались с трудом, но когда затопали в сенцах и звякнула дверная ручка, он освободил девочку и сам выстоял то мгновение, пока к нему не шагнул с порога Егор – худее худого.

– Ну, батя, ты что, – шепнул сын ему в невыбриту ю щёку, мокрую от слёз. Придержал, помог сесть на диван.

А хата всё наполнялась и наполнялась незнакомыми людьми. Зашёлкали фотоаппараты. Парни с блокнотами о чём-то пытались Ваську и Анну.

– Чего это? – шёпотом спросил сына Фёдор.

Его услышал военком, поднял обе руки, требуя тишины и внимания:

– Товарищи, я думаю, мы покурим на крылечке. Прошу, – решительно указал всем на дверь.

– Чего это все? – переспросил Фёдор, когда вслед за военкомом выскользнула в сенцы даже кошка.

– А, – отмахнулся Егор, притягивая к себе племянников. – Военкому делать нечего, катается.

Нечего-то нечего, но никого в село так не привозили. Как космонавта.

– А мне сказали, что дяде Егору звание Героя Советского Союза дадут! – ради того чтобы показать свою осведомлённость, Анна оторвалась от дядьки и прошептала в ухо деду секрет всего тарарама.

– Что? – оторопел Фёдор. Поднял взгляд на сына. Егорка – Герой? Поэтому понаехали журналисты как на свадьбу?! А что, Егорка может, он всегда во всём ходил в первых рядах. А ноги вновь стали рассыпаться: – Где ты был? – подался к сыну. Из-за слёз строгости в голосе не нашлось, и запоздало ужаснулся лишь тому, что могло происходить с Егором, ежели дают такое звание.

– О-о, там меня уже нету, – с довольной улыбкой, при которой тем не менее потемнели глаза, ответил тот. – А до Героя ещё далеко, пока все бумаги подпишут. Пока только запрос в военкомат пришёл, а тут уж разрезвонили. В армии надо ждать приказа, да, отец? Как сам?

– Шкандыбаю помаленьку.

– И на велосипеде ездит, – подтвердила Анютка, не желая оставаться в стороне от разговора. Подсластилась к главному гостю: – Дядя Егорка, а герои ведь бывают только на войне и в книжках на картинках.

– Вот и я им то же самое говорил, – поддержал племянницу Егор. – А как у тебя поведение?

– У меня хорошо. У Васьки плохо.

– А Ваську мы накажем – будет в армии гранатомётчиком, заставим таскать самое тяжёлое оружие. Так, Василий? Или Анна напраслину наводит? Ясно. За неделю, пока буду тут, ситуацию проясним? Молодец. Погоди, это тебе давно обещанное, – достал из пакета морскую тельняшку.

Васька выхватил сверток, из которого для полного счастья выскользнул и впился в пол диковинный охотничий нож с ручкой из козлиного копытца. Анна попыталась сообразить, насколько она прогадала с гостинцами, но Егор хлопнул в ладоши:

– Ну что, гостей будем потчевать?

Анна уже выкладывала из сумок гостинцы. Фёдор лишь отметил пару диковинных бутылок с вином – такие потом в стеклопосуде точно не примут. Хотя, когда Егорка станет Героем, пусть попробуют отказать! Неужто и правда – Герой? А мать не дожила. И людям ведь надо как-то сказать, а то возьмётся в хлеву со скотиной и не ведают, от чего скоро ахнут...

В дверь постучали, и вместе с кошкой вошёл, зацепившись ногой за порожек, военком.

– Егор Фёдорович, Фёдор Максимович, – обратился он к хозяевам уже по значимости воинских званий и будущей награды. – Мы попрощаться. Работу вместо нас никто не сделает.

– Как отъезжать? А стол? – не понял Егор. – Нет-нет, у нас в доме так не принято.

– У нас ещё будет повод, – успокоил майор. – А пока отдохайте с дороги. Если нужна машина – звонок лично мне, и никаких проблем.

– Всё равно не пойдёт! – запротестовал Егор, подтаскивая майора за рукав к столу.

Но тот проявил упёртость:

– Нет и нет, все уже в машинах.

– Тогда держи, – Егор вытащил из сумки ещё одну бутылку, закатал в районную газету, сунул в руки военному. Тот запротестовал, но не настойчиво. А от порога ещё раз поклонился.

– Нехорошо получилось, – не одобрил Фёдор Максимович, когда майор исчез. После первой волны радости захотелось оправдать свою сентиментальность и волнение. – Тебя везли, а ты не посадил людей за стол.

– Но ты же сам видел, – принялся оправдываться Егор. И мимоходом подтвердил про награду: – Ничего, может, и впрямь повод найдётся ещё собраться.

– Дядя Егор, а мы завтра идём в лес с новенькими. Ну, которые у нас в доме живут. Ну, учительница...

– Не тараторь, – остановил Фёдор внучку. – Накрывай на стол, раз одна в доме в юбке.

Сам пошёл в кладовку за беленькой – проверенной, не отравишься. А заморские наливки пусть постоят. Васька мерил тельняшку, не выпуская нож из рук, и Аня вновь подлезла с новостями, которыми не терпелось поделиться:

– А у тех, у новеньких, Оксанка есть, и в неё Васька наш влюбился. И Женька ещё у них, мы подружились. Но не так, чтобы прямо завтра свадьбу справлять. А Вера Сергеевна, сестра их старшая, теперь у нас пионервожатая, перед началом учёбы в лесу проводит «Партизанские костры». И мы завтра все идём туда. Пойдёшь с нами?

– Если отосплюсь, – поставил условие Егор.

Главное, он – дома, а идти здесь можно на любые стороны, всё родное и всё хочется увидеть...

Глава 11

– Я и впрямь пройдуся, – сказал отцу вечером, когда узнал новости о соседях и одноклассниках, сплошь уехавших в города. Тем более около клуба девчата запели песни.

Песни в селе любили. Вокруг по ночам на сто вёрст всё вымирает, а в Журиничах девичьи голоса звенят, пока звёзды не начнут меркнуть. Раньше Егор даже различал голоса певуний, и жаль, что никто из девчат не пошёл в артисты.

– Аньку увидишь – гони домой, – кивнул Фёдор Максимович. – Вон, Дуся перестала стучать по корыту. Значит, вся живность на боковую. Пора и ей, – напомнил об уличной примете.

Соседка наискосок баба Дуся стучит палкой по дну пустого корыта, чтобы отпугивать от палисада козлят:

– Ну что за люди! – старается докричаться до каждого окна на улице. Принадлежность коз знакома каждому, но Дусе важно осуждение хозяев, а не скотины. – Им хоть гавкай, хоть мяукай, – лень присмотреть за живностью. Вон Лидочка – человек человеком, всю скотину на привязи держит. Пошли вон, заразы!

Подхваленной Лидочке остаётся тайно перекреститься в своём дворе. Баба Дуся ногами никакая, с крыльца не слезть, но на язык лучше не попадаться ни в плохую, ни в ясную погоду. Сама от него мается:

– Язык раньше меня рыщет, врагов себе ищет...

– Где ляжешь спать? – вернулся к делам житейским Фёдор Максимович.

– В подвале.

– Тогда одеяло принесу. Зори уже с прохладцей.

Встал, с усилием разгибая колени. Увидев эту немощность, Егор отвёл взгляд: отец, которому, казалось, сносу не будет, который по лесам, как по собственному двору, сутками ходил, ослаб на глазах. И видеть, осознавать это оказалось невыразимо больно.

– Сваха молока обещалась с вечерней дойки принести, в сенцах стоять будет.

Всё, как в детстве. Банка молока на сон после ночной гульбы – мамина традиция: чтобы ерунда не снилась.

– Кивни Степану, – попросил напоследок отец, указав глазами в сторону соседского двора. – А то дырку в заборе проглядит.

– Надо было позвать.

– Завтра. Завтра все подойдут, кому захочется, – не отдал радость первого дня чужим Фёдор Максимович. Утвердительно кивнув своему решению, пошёл на огород, где среди яблонь был поставлен подвальчик – летом для прохладного отдыха, зимой для хранения зерна.

В ту же секунду из-за тополя, росшего напротив крыльца, послышался застоявшийся, нетерпеливый шёпот-мольба:

– Егор, подойди.

Выглядывал Витька Пятак, учившийся классом выше Егора. Из села выезжал только в армию да в тюрьму, тем не менее умудрившись заиметь дочь и двух жён – законную и самогончку. Пятак, шныряя глазами сразу во все стороны, протянул руку:

– Привет, Фёдорыч. Живой? А то батька твой ходил, как тень. У-у, качало прямо от ветра. Принеси выпить, раз уж вернулся.

Не успел Егор что-то возразить, а Пятак уже выпихивал его в сторону дома:

– Давай, быстрее, а то моя туча сейчас появится. И батька чтоб не видел. Быстрее, а то помру. Хочешь, спляшу, – отбил чечётку.

– А если бы я не приехал? – остановил уличного друга Егор, и сам не привыкший быть на пьяных побегушках, и не признающий тех, кто готов плясать за стакан водки.

– Помёр бы. Истинный крест – трясушка убила б. Сижу полчаса уже. Горю. Ну, быстрее. Давай, давай.

Егор вздохнул. Выпивки не жалко, но как же надо себя опустить, чтобы трястись от одного её желания? Отрезал кусок колбасы, достал из-за занавески бутылку с остатками водки. Огляделся не хуже Витьки – не вошёл бы отец, налил рюмку. Торопливо вышел к мятущемуся за стволом однокашнику.

– Я тебе что, синичка? – обомлел тот, увидев рюмку. – Я от этого не напьюсь. Стакан есть?

– Водки нет, – соврал Егор.

– Бреешь, – не поверил Пятак. Но едва Егор потянулся отобрать рюмку, отстранился, дунул на левое плечо и, будь свободной рука, перекрестился бы:

– Господи, прими за лекарство.

Хлобыстнул содержимое одним махом. Довольно улыбнулся, пережидая огонь в груди. Колбасой лишь занюхал:

– Доче отнесу, она любит колбасу. А батька твой и вправду ходил по селу – у-у-у, ничего не видел. Но больше точно нет?

– Нет, – отрезал Егор.

– Тогда давай десятку. Алалылиха самогонку гонит, стакан за десяточку...

– Деньги дома.

– Сбегай. А то помру.

– Не помрёшь, – на этот раз отвёл трясущиеся руки Егор. Однако понял, что надо не оправдываться, а припугнуть: – Отец уже в хате, и так рюмку еле вынес.

– Батя у тебя строгий. У-у, погонит и тебя, если увидит. Но ты у Алалылихи не бери самогон, она туда какие-то таблетки бросает – дуреешь от стакана. Это чтоб опять к ней шли. А ты не ходи.

– Уговорил – не пойду.

– А я людям сено кошу, так что не пьянствую, некогда. Но завтра зайду, батя твой говорил – завтра, кто хочет, можно подойти. Мы тут все за тебя переживали. У-у, наделал ты шуму. А выпить всё равно надо. Сам знаешь, что у нас в Журиничах даже в самой плохой избе два раза наливают.

– Нету.

– Да я не за себя. Надо помянуть Раису Ивановну, твою первую учительницу. Я копал ей могилку. У-у, будь у меня такой классный руководитель, я б, может, тоже Героем стал. А с Пономарём дорога прямая была в тюрьму. Вот. Давай за Раису Ивановну. Беги.

Пошёл, принёс и себе рюмку. Молча помянули, и Пятак без прощаний засеменял через дорогу боком, словно плохо видел на один глаз. Егор грустно усмехнулся: повидались – словно вчера расстались. И это таким стало его село? Впрочем, а каким ему быть, если все, кто мог хоть что-то изменить к лучшему, разъехались? А он сам раньше всех – с пятнадцати в суворовское.

– Вы у меня все останетесь здесь быкам хвосты крутить, гы, – страшал в школе преподававший математику Пономарь.

Был он для села пришлым – получил в Журиничи распределение сразу после войны, но, похоже, так и не стали ему ни земля, ни люди близкими и родными. Едва Егор заикнулся в восьмом классе, что хочет стать суворовцем, Пономарёв недобро гыгыкнул:

– Гы, получишь у меня на экзаменах тройку, будешь свои суворовские лампы коровам приделывать.

Была какая-то тяга у него к крупному рогатому скоту...

Скорее всего, он просто злобно пошутил, но отец дрогнул. Никогда не выпячивавший знакомства с первым секретарём, он после рассказа Егора пошёл к первой учительнице Егора. Маленькая, всю жизнь из-за работы и любви к другим детям одинокая, Раиса Ивановна засу-

етилась, застучала кулачком по столу – чего никогда в жизни не делала. И приказала ехать в Суземку к начальнику районо или сразу к секретарю райкома партии.

После этой встречи Фёдор Максимович засобирался в Суземку. Брился, примерял бесконечно обе новые рубашки, остановившись на тёмной – не на свадьбу! Перед райкомом партии разворачивался, вспоминая неотложные дела – купить дробы, потом упаковку спичек, потом проверить расписание электричек на Брянск – вдруг изменилось, а он и не ведаёт. Дождался, когда возвращавшийся с обеда Евсей Кузьмич сам не увидел его на крыльце, затянул в кабинет. Там и решили: от греха подальше Егору сдавать экзамены по математике в соседней школе. А заруби из вредности Пономарь аттестат, неизвестно, как жизнь бы повернулась. Может, даже выглядывал бы сейчас на пару с Пятаком ради рюмки водки городских гостей...

Пока общался с Витькой, стемнело. Чай, не макушка лета, аисты со дня на день на юг полетят. Если уже не улетели. Сто лет не видел их трогательного полёта клином, с самого детства. Крокодилов видел, а родных птиц – забыл. Неправильно как-то это...

Около клуба вновь завели песню:

*Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идёт...*

Таня!

Почему связалась песня с ней, Егор не мог объяснить. Была она на три класса моложе, и на такую малявку он никакого внимания не обращал. Но лишь до той поры, пока однажды она с подругой не накатала снежных комков и не уложила их к двери его дома. Потом объяснялась: чтобы не открыл дверь и не смог пойти в клуб, куда пришли появившиеся на зимних каникулах москвички.

Село смеялось, с Таньки же – как с гуся вода: она продолжала искать любой способ оказаться рядом и напомнить о себе. Сначала это выглядело забавно, но стало раздражать, когда приезжал в отпуск уже суворовцем, а потом и курсантом. Чтобы отбить настырную невесту, на её глазах поцеловал приехавшую в село очередную москвичку и увел за руку к озеру. Зная, что будет следить, позволил громко смеяться под плакучими ночными ивами. Добился желаемого: едва ли не сразу после выпускного Татьяна вышла замуж за приехавшего в колхоз инженера по механизации. Егор же без зазрения совести на следующий день забыл случайную городскую, и вроде всё успокоилось.

Почему же сейчас это имя всплыло в памяти и связалось с песней?

*На нём погоны золотые
И яркий орден на груди...*

Эх, если получится занять пусть даже не Звезду Героя, а хотя бы Красную Звёздочку – даже это всполошило бы весь район, не говоря о родном селе. Где там Пономарь? Говорят, вышел на пенсию, но продолжает учить математике. Собственно, из-за него Егор не заходит в школу. Как Пономарь отреагирует, узнав о награде?

Оборвал себя – что делить шкуру неубитого медведя! К тому же он никому ничего не доказывал, а делал своё солдатское дело...

Пошёл на песню. Таня, конечно, петь не могла. Молодожёны после свадьбы какое-то время ещё ходят по привычке в клуб, но как только появляются дети, скотина в хлеву, так и остаётся им за счастье найти времечко просто посидеть перед сном на лавочке у собственного дома. Может, и сейчас сидит. Можно ради смеха даже посмотреть, так ли это, ведь всё равно дорога в клуб идёт мимо её дома.

Детская память безошибочно вела Егора по неосвещённой деревенской улице. Если кто и оказался верен родным местам, то это звёзды – никуда не переехали, все остались на старом месте. Большая Медведица упёрлась хвостом в Украину, Млечный Путь густым тяжёлым коромыслом опустился как раз на плечи Журиничей. Около дома единоличниц Егор замедлил шаг – не споткнуться бы, здесь всегда рылась канавка для стока воды из огорода двух сестёр, так и не вступивших в колхоз. Отсидев за тунеядство, вернулись под соломенную крышу родительской покосившейся избышки. Ушли в богомолье. От электричества отказались, от пенсии, положенной по старости лет, тоже – мы не работали. Питались тем, что люди принесут, да сами посильно держали с десятков кур, вели несколько грядок в огороде. Живы хоть? В деревенские новости от отца не попали, значит, шкандыбают.

Улыбнулся журиничскому словечку, так легко лёгшему на язык. В Москве, наверное, ни за что бы не вспомнилось, зерно прорастает в земле, а не на асфальте.

Рядом с домом брата остановился. Не будь постояльцев, посидел на крыльце. Васька уже вымахал в женихи, будет потом куда жену привести. А постояльцы – это хорошо, дом любит, когда под крышей жизнь протекает.

Дом Татьяны стоял на пригорочке сразу за озером, и Егор замер около её подвала, вынесенного едва ли не к самой дороге. Прислушался. Тишина. Да и с какой стати кто-то будет сидеть в темноте на лавке, кормить комаров? А вот и зашмурыгавшие по асфальту калоши – кто-то из стариков шёл навстречу, и Егор скорее по привычке разведчика отошёл в тень. Но его, похоже, заметили, шаги замедлились, и Егор отвернулся, чтобы луна даже блекло не осветила лицо. Не хватало ещё попасть в деревенские пересуды.

Дождавшись, когда шаги затихнут, Егор вышел на дорогу и, уже не прячась, пошёл по селу: он имеет право по случаю приезда просто пройтись по улицам.

– Точно, твой Егорка, – Маня, передавая свату банку с утренним молоком, потупила взгляд. Да и то, кому за счастье сообщать неприятные новости. Разве что Алалылихе... – Я бы ничего, да только Егорке это совсем не надо – сплетни на себя собирать.

– Сама и гребёшь их лопатой, – защитил то ли сына, то ли себя Фёдор Максимович. Поправил наброшенный на плечи пиджак, прошёл к спасительному корыту с инструментами. Вот тут всё к месту, всё для хозяйства, ничего лишнего... – Он мне сам вчерась говорил, что хочет по селу пройтись.

– Так я потому на всякий случай и говорю, чтоб другие не шушукались. Около Таньки-то стоял, а кто не помнит её взбрыки по Егору... В обед приносить ещё? – кивнула на банку.

– Не надо, – отрезал Фёдор. Проживут без молока. Зато никто в глаза не будет тыкать. Видите ли, показалось ей... Креститься надо, если кажется.

Маня сама не рада была, что поведала о своих сомнениях. Но ведь к Егорке и впрямь не должна прилипнуть ни одна деревенская сплетня. Это хорошо, что она шла от фельдшерицы и увидела. А если бы Алалылиха? Уже половина села бы гадала, дошёл сын Фёдора Максимовича до Таньки или нет, что меж ними могло произойти и что при этом делать инженеру, подавшемуся на заработки в Москву.

Маня сама закрыла калитку, ушла восвояси. Раздосадованный известием, Фёдор Максимович отодвинул корыто, уселся на ступени крыльца. Егора в обиду он не даст, языки отрежет любому, кто попробует возвести напраслину. Лишь бы это и впрямь оказалось видением. А то ведь не бабы новости разнесут – сама Танька пойдёт подолом мести...

Намерился проведать сына в подвале, но вовремя спохватился. Одной привиделось, второй из ума выжил! Егор разведчик и сломя голову никуда не полезет, пусть Танька хоть трижды заманчива. Но то их детские шалости, и со скошенного поля второго хлеба не соберёшь. А вот на новую учительницу пусть бы Егорка и глянул...

Глава 12

Не за шкурой зверя и не за мясом его брёл по лесу охотник. Не те глаза имел Фёдор Буерашин, не так крепки были руки и быстры ноги, чтобы заниматься промыслом. Ружьишко устраивалось за спиной больше по привычке, с послевоенных времен, когда по лесу хозяевами рыскали волки.

Двустволка цеплялась за ветви и просилась на другое плечо, с которого, как ей казалось, не пришлось бы поминутно сползать. Но поскольку жизнь давила хозяину на оба плеча одновременно, то откуда второму оказаться моложе или сохранный близнеца?

Польза имелась в случае, повесь хозяин ружьё на стенку. Да только когда подошла для Фёдора Буерашина пора лежать на печи да греть кирпичи, никого не оказалось в округе, кто бы смог заменить его в лесу. В пенсионные проводы начальство навезло подарков и грамот больше, чем за всю предыдущую жизнь, – лишь бы продолжал исполнять обязанности лесничего вкупе с лесником, что почти одно и то же. Оно и дураку понятно: кому охота бродить вокруг чернобыльской радиации, рыжей кляксой упавшей на лес. По карте глянуть – прям родимое пятно на лбу у Горбачёва...

Позади Фёдора пробирался среди кустарников Егор. Утром, зайдя в подвал будить его, увидел поверх одеяла его правую руку, от локтя до запястья оказавшуюся сплошь в зарубцевавшейся коже. Сын постанывал во сне: видать, прошлая жизнь, которой он ни с кем не делился, не отпускала. Слово коснувшись запретного, Фёдор Максимович подался назад. Однако скрипнувшая дверь подбросила сына с кровати. Увидев отца, Егор обмяк, упал на подушку обратно. Облизал пересохшие губы. Где там спасительное молоко против ерунды во сне? Одни бабские выдумки!

– В лес собрались. Ребята хотят, чтобы пошёл с нами, – извинился Фёдор Максимович. Егора всегда поражало, откуда у отца, большую часть жизни прожившего в лесу, столько такта и достоинства? Даже о рождении сыновей он говорил особо: «А там и Ванька с Егоркой нашлись...»

– Конечно. Иду, – Егор потянулся, потом стремительно сел: готов...

Идёт теперь сзади шумливый, грибы-ягоды ищет, свистит с ребятами под птиц. Видать, и впрямь соскучился по родным местам.

Сбоку плутают шерочкой с машерочкой Анна и Женька. За то, что потеряются, не беспокоился: Аня звенела без умолку, коровы с колокольчиками на шее быстрее забредут в никуда. Притихли Васька с Оксаной, но у тех и разговоры более взрослые, не для каждых ушей.

В верхушках деревьев начал зарождаться шум листвы, и Фёдор Максимович остановился перед муравейником. Вгляделся в чёткое мельтешение рыжих паровозиков. Дети присели рядом, и Аня озабоченно покивала головой:

– И к гадалке ходить не надо – дождь скоро.

Женьке муравьиная пирамида ничего не известила, но простофилей показаться не захотел и на всякий случай тоже кивнул: скорее всего, так и получится. Поторопился проявить себя и Васька, показывая Оксане острием подаренного ножа на холмик:

– Видишь, муравьи бегут только в кучу и закрывают свои убежища палочками? Точно от дождя.

Все подняли головы вверх, где верхушки деревьев штриховали и без того малый просвет неба. Фёдор Максимович приладил удобнее ружьё:

– Надо поспешить, авось успеем.

Идти требовалось до бывшего партизанского аэродрома, на окраине которого школьники и проводили свои соревнования. Раньше делали это чаще, теперь – всё реже. Лесничего на них никто не приглашал, но когда Анька сказала, что новая учительница вместе со старшеклас-

никами возрождает «Партизанские костры», засобирались. Лето простояло сухое, и ежели не углядят за огнём, то тому доскакать до Рыжего леса – как голодным курам Степана до чужого корма. Вот тогда всем в округе ложись и помирай. По крайней мере, так говорили начальники в Брянске. Из их формул и графиков Фёдор Максимович запомнил твёрдо одно: если полыхнут заражённые деревья, границу радиации смело можно увеличивать на десятки километров. Скорее всего, это правда, будь по-иному, выжгли бы чернобыльское пятно – и дело с концом! Пока же ни на дрова лес нельзя брать, ни на мебель, ни на колья к ограде, ни на оглоблю к телеге. Стоять и умирать лесу поодиночке. Хотя что делать дальше с умершими и упавшими деревьями, тоже никто не знает...

К огромной опушке, приспособленной партизанами в войну под аэродром, вышли под усиливающийся шелест листьев. Ветерок приятно освежал, но поскольку нёс грозу, радоваться прохладе не приходилось.

– Вон там они должны быть, – показал Фёдор Максимович на противоположный край уже заросшего кустарником поля.

Аня и Женька побежали вперёд, но вдали, распеваясь перед концертом, пророкотал гром, и дети тут же вернулись под руки взрослых.

Лагерь нашли по песням из магнитофона и расстилающемуся под листвой дыму. Разномастные палатки, натянутые среди сосен, окаймляли плешивый косогор, в центре которого дымился бесхозный костёр. На подошедших гостей внимания никто вроде не обратил, но едва они ступили за черту лагеря, сбоку появилась Вера Сергеевна в красной пилотке и с пионерским галстуком поверх спортивного костюма. Оксана и Женька подались к сестре.

– Фёдор Максимович, здравствуйте, – кивнула она старшему. Остальным улыбнулась. Несколько задержала взгляд на Егоре, запоминая новое лицо, хотя Анна уши прожужжала своим героическим дядей. – Какими ветрами к нам, да ещё вместе с дождём?

– Ветра служебные, Вера Сергеевна. Вон костёр оставили без присмотра.

– Не ругайтесь, Фёдор Максимович, мы с огнём аккуратные. Сейчас затушим.

– А это наш дядя Егор, он вчера приехал. Я же говорила! И знаете... – Аня потянулась сообщить новость на ушко, но осеклась под взглядом взрослых, заулыбалась виновато. А чтобы язык сам случайно ничего не сболтнул, побежала к костру, увлекая Женьку.

К огню прокурором пошёл и Фёдор Максимович. Пионервожатая протянула для знакомства руку Егору, но тут гроыхнуло так, что даже дым от костра пригнулся к пустым консервным банкам, защитным частоколом выложенным вокруг огня. Егора и Веру обдало водяной пылью, обычно клубящейся впереди ливня, и тут же наверху застучало, заскрипело, завозилось – дождь с ветром обрушились на деревья, выкручивая им ветви, выворачивая наизнанку листья, сгибая непокорные верхушки. В распатанные в небе щели обрушились потоки воды.

– Укрыться, всем спрятаться, – бросилась к лагерю Вера.

Егор на бегу сгрёб выложенные на просушку одеяла и подушки, бросил их в первую попавшуюся палатку. Тральщиком сгрёб себе на грудь развешенную на ветвях одежду.

– Это наше, наше, – раздался из-за трепещущего на ветру полога девичий голосок, и Егор швырнул ношу в проём.

Ещё дальше на разложенной палатке виднелись коробки с провиантом, и Егор, уже окончательно мокрый, побежал к ним. Носить продукты по отдельности времени не оставалось, и он вздёрнул края солдатской скатерти-самобранки, сваливая еду в кучу.

– Сюда, – услышал голос Веры Сергеевны. Согнувшись под ливнем, она махала рукой от крайней, приспособленной под продовольственный склад, палатки.

Прежде чем забросить в темноту узел, Егор подтолкнул внутрь пионервожатую. Вера попыталась воспротивиться, побежать снова что-либо спасти, но небеса метнули такие молнии, разразились такой раскатистой гневной тирадой, что сама потащила под брезент неволь-

ного помощника. В тесноте Егор оступился, упал на острые края рассыпавшихся консервных банок.

– Вы живы? – прошептала Вера.

– Вам-то зачем было мокнуть? – как маленькой, назидательно выговорил учительнице.

Расчистив местечко рядом, протянул руку: – Идите сюда, в середину.

Остаться одной в палатке с незнакомым мужчиной на виду у всего лагеря, а к тому же перебираться под его руку посчитала не совсем удобным. Неделю назад уже оставалась в кабине с мужчиной одна, опыт приобрела...

– Мне надо ещё проверить всех...

Егор легко понял причину беспокойства соседки, и, хотя совсем не имелось желания вылезать под ливень, подался к выходу сам.

– Оставайтесь. Оставайтесь, оставайтесь. Я к своим.

Сказал, абсолютно не имея понятия, в какой палатке укрылись отец с ребятами. Дверцы всех брезентовых домиков были плотно зашнурованы, и никого, собственно, не интересовало, где и с кем оказалась вожатая. Но раз забоялась саму себя и захотела, чтобы исчез, – вопросов нет.

Его не остановили ни словом, ни жестом, и он перебежал под ближайшую сосну. Отыскал над головой сук потолще, прижался к потемневшей от влаги золотистой чешуе ствола. Если смола прилипнет к рубашке, потом не отстирать. Кто будет виноват? Конечно, Пушкин! Вот если бы с Ирой Точилкиной оказаться в такой ситуации... Удастся ли вообще встретиться еще? Вот где грация и красота!

Оборвал себя. Самое постыдное для мужчины – сравнивать женщин для личной выгоды. К ним надо или как в омут с головой, или...

– Скоро не кончится, – вдруг раздалось за спиной.

Егор отпрянул от ствола: с другой стороны сосны стояла Вера и вприщур, спасая от дождя глаза, глядела вверх. Только ведь самый толстый сук он уже занял.

– Зачем вы вышли?

– У нас в отряде мушкетёрский девиз: «Один за всех и все за одного».

Тогда могла бы и воспротивиться его уходу из палатки...

– Вы промокли.

– Не больше вашего.

– Перемещайтесь сюда, здесь меньше капает.

– А в палатке не капает вообще, – пожала плечами Вера.

И улыбнулась, всё понимая, принимая, успокаивая и прощая одновременно. Благородно оставляя при этом мужчине право выбора – идти или остаться.

А она не такая уж и простенькая против Иры...

– Вы – первая, – с радостью согласился вернуться под тесную крышу Егор.

– Вместе, – не согласилась пионервожатая больше делиться.

Под дождем едва не взялись по-детски за руки, чтобы не упасть в мгновенно образовавшиеся лужи. У палатки Егор элегантно распахнул мокрый полог, позволяя даме юркнуть в темноту первой. Стойко выдержал непогоду, пока Вера устраивалась среди коробок, и лишь после этого нырнул следом.

– А холодно, – произнесла в темноте Вера.

Не просила погреть – конечно же, нет, просто констатировала факт. Но Егор, распознав по белым ободкам на спорткостюме скрещённые на груди руки, принялся быстро-быстро тереть, разогревая, женские плечи. Вера не сопротивлялась – опять же сама проделывала подобное со своими юнармейцами. В том, что ей могла быть приятна мужская забота, она себе никогда бы и не призналась. Идёт выживание в экстремальных условиях, – какие нежности, о чём разговор! От них она еле отбилась в джипе, колено до сих пор болит. Вольности с про-

тивоположной стороны пока не допускаются, а как дождь прекратится, они вообще с Егором разойдутся, будто не виделись.

Но ведь увиделись! Утверждая это, Егор чуть сильнее сжал женские плечи. И прежде чем Вера деликатно повела ими, восстанавливая границу дозволенного, успел почувствовать, как соседка волнительно вздрогнула, задержала дыхание. Всё это было настолько микроскопическим, а потому неправдоподобным, что поведай Егор ей об этом мимолётном отзвуке, рассмеялась бы как над великим сказочником. И Вера отталкивает, конечно, не его, а свой страх. Что не устоит, не справится с собственными чувствами...

– А вы мне... понравились, – поспешил он оправдать вожатой её же поведение.

– Все вы... поначалу... так.

– Я готов извиниться за всех, кто вас когда-то обидел, – по-гусарски склонил голову. Как легко просить прощения за чужие грехи!

– Меня не обидишь, – успокоила Вера и попыталась гордо усмехнуться.

– Я вас ещё увижу? – боясь спугнуть неосторожным словом или движением замершую девушку, поинтересовался Егор. Хотя зачем спросил? Поддержать разговор? Потому что ни Ира, ни Таня не вспомнились?

– Я в школе работаю, – ушла от прямого ответа пионервожатая.

– Тогда наверняка увидимся.

Помолчали, не зная, до какой степени они могут позволить себе игру в «холодно-жарко». Но едва Егор попытался устроиться удобнее, Вера кожей почувствовала новое приближение и подалась к выходу:

– Дождь там не утих?

По палатке по-прежнему безостановочно стучало, но пионервожатая приоткрыла полог.

– Наверное, я всё-таки пойду. А то... потом будет неудобно.

Вера невольно признавала их пребывание в палатке тайной, и Егор сделал для себя неожиданно сладкий вывод: это хорошо, когда женщине есть чего стыдиться. Значит, это и будет ею вспоминаться.

Дождь явственно стихал, кое-где уже начали хлопать брезентовые пологи, и Вера торопливо вынырнула наружу. Втянув голову в плечи, побежала к палатке, над которой тяжело, словно больной, потерявший все силы в борьбе с недугом, висел мокрый флаг. Но прежде чем скрыться в новом пристанище, Вера оглянулась и, как показалось Егору, улыбнулась.

«Ты ведь не забудешь меня?» – запоздало подмигнул и он.

Ответа дожидаться не удалось – слабее прошлого, но прогрехотал гром. Попыталась начертать его образы на светлеющем небе молния, но слишком быстрым и ломаным оказался её росчерк.

Глава 13

Дождю, похоже, был рад только Фёдор Максимович – не придётся волноваться за кострище. Уловив перерыв в дробной пляске по брезенту, вылез наружу. Лагерь был пуст, только Егор оценивал последствия грозы.

– Вера Сергеевна, мы прощаемся и уходим, – позвал по сторонам, не зная, где искать вожатую.

Вышла из штабной палатки. Стараясь не встречаться взглядом с Егором, зябко охватила плечи, став совершенно не похожей на ту бойкую и уверенную в себе вожатую, которая увиделась перед дождём.

– Чем-то озабочены, Вера Сергеевна? – отметил перемену лесничий. Хотя, какой ей быть, если остаётся с ребятами на ночь в мокром лесу?

Брат с сестрой подались к Вере, та прижала их к себе, торопливо попыталась улыбнуться:

– Нет-нет, всё нормально. Просто девочки... двух девочек гроза застала в лесу.

Веру начала бить мелкая дрожь, но не от холода, а от осознания того, что могло случиться с ребятами, оказавшимися без присмотра. Егор опустил глаза: Вера винит и его, что сами спрятались, а ребят не проверили?

– Промокли, колотит их, – попросила взглядом помощи или совета.

– Пойдёмте, глянем, – направился Егор к «медсанбату». – И найдите для них сухую тёплую одежду.

Вера исчезла в первой попавшейся палатке, Егор вошёл к девочкам. Те сидели, укутавшись в одеяла, практически одновременно кашляли, и Егор вытащил фляжку с оставшейся после Пятака водкой. Захваченная скорее по привычке разведчика, чем по надобности, вроде бы оказалась к месту.

– Раздеться и представить мне спины для растирки. Минута времени.

Пропустив Веру с ворохом одежды, вышел наружу. За брезентом захихикали, и, наконец, позвали его. Егор налил пригоршню спиртного, подышал на водку, согревая её. Наклонился над девчачьими спинками с торчащими лопатками, принялся втирать влагу в загорелую кожу. Вера стояла наготове с куртками, и едва Егор сделал передышку, укрыла ими девочек.

– Ещё, – скомандовал Егор.

Когда вновь под ладонями стало сухо и горячо, кивнул Вере – укутывай. Сам вышел наружу. Отец с ребятами разводил костёр, и он помедлил, дожидаясь вожатую.

– Давайте, я останусь. А то вы одна, с детьми...

– Нет-нет, спасибо, ни в коем случае, – Вера даже замахала руками. – Да и что здесь случится? Лагерь большой, семь отрядов, из всех ближайших районов. Это просто мы крайние. Не волнуйтесь. Мы уже привычные.

В глазах – и благодарность за помощь, и страх за свою репутацию, если вдруг Егор всё же останется. Ребята взрослые, станут домысливать, потом пойдут разговоры по селу...

Страхи вожатой прочитались легко, и он протянул фляжку:

– Это остатки на растирку. Высушите у костра одежду. Побольше чая горячего. А главное – сами держитесь.

– Спасибо, – у Веры опустились плечи. Впервые за много-много лет кто-то позаботился о ней самой. – Если можно, посмотрите там за братом с сестрой. Они самостоятельные, но...

Уходили под завистливыми взглядами высывавших на поляну ребят.

– Вы чего не записались в отряд? – скользя по мокрой тропе, поинтересовался Егор у Васьки с Оксаной.

– Женьку не взяли по годам, Оксанка без него никуда. Ну а Васька соответственно за компанию, – дала тактический расклад идущая впереди, но вращающая ушами, как локато-

рами, Анна. А уж чтобы совсем утвердиться в роли начальника Генерального штаба, выложила и сведения от резерва Верховного главнокомандования: – Да и Зойка Алалыхина в отряде. А кто с ней рядом – тому жизни нет.

Васька, выдавая себя с потрохами, соскользнул с горбатой тропинки, чертыхнулся, и Анька засемила быстрее. Егор разлучницу Зойку совсем не помнил, может, даже растирал именно её водкой, но с Оксанкой племянник не прогадал. Красивая девочка.

К селу пошли вкруговую, вдоль Неруссы, чтобы не собирать в лесу за шиворот дождевые капли с веток. Освобождавшееся от облаков солнце грело на плечах влажные куртки, в сто тысяч солнц, как по Маяковскому, сверкали водяные бусинки на листьях. Хватит ли солнцу сил пробиться сквозь деревья, чтобы обсушить лагерь и ребят? Или всё же плюнуть на пересуды и вернуться?

Оттеснив Анну с Женькой, догнал отца. Однако совета спросить не успел: тот остановился, пристально взглядываясь в излучину реки и озаряясь улыбкой.

– Что? – спросил Егор.

– Ого! Река русло поменяла, – ответил за спиной Васька.

Честно говоря, Егор уже не помнил, как петляла здесь Нерусса.

– Она не поменяла, внучек, – не отрывая взгляда от воды, ответил Фёдор Максимович. – В войну она текла именно здесь. И именно в этом месте мы переходили её вброд, когда выводили бригаду Ковпака в рейд на Украину.

Ребята замерли, но, скорее, не от увиденного, а услышанного: об этом же в книжках написано! Столетняя давность. И вот это всё перед глазами? И дед знал Ковпака?

– А... а почему вода вернулась обратно? – не могла не полюбопытствовать Анна.

– А реки помнят свои берега, Аннушка, – улыбка не сходила с губ Фёдора Максимовича. – Увели мелиораторы её течение ближе к полям, а вот пошёл бурный поток после грозы, дал воде силы, – и всё стало на свои места. И лопнул пшик.

– Хорошо, – повернулась к Женьке Аня.

Что хорошего в пшике, Женька не понял. Он пока еще мало что понимал в деревенской жизни, детдом приучает или выбиваться в лидеры, или притихать...

– Вот и вы не меняйте своих берегов, – оглядел всех Фёдор Максимович. – Не предавайте свой род, страну, историю.

Пошёл дальше – спокойно, уверенно, пусть и немного сгорбленно под тяжестью ружья и прожитых лет. Уверенность, скорее всего, ему придала Нерусса, вернувшаяся в свои берега. А ещё сын и внуки, идущие с ним одной тропой. След в след.

– Незавидная у нас с тобой доля, – поймав паузу во взрослых разговорах, прошептала Аня на ухо Женьке. Придержала, отставая от всех. – Плохо, если дяде Егору наша Вера Сергеевна понравится.

– Почему плохо?

Посмотрела на жениха с сожалением: неужели и тебе всё разжевать и в рот положить, как Ваське?

– Так до нас очередь никогда не дойдёт.

– Какая очередь? – продолжал недоумевать Женька.

– Так сначала твоя сестра может замуж выйти за дядю Егора. Потом могут и Васька с Оксанкой посвататься. А мы с тобой вон – аж третьи на очереди. Не дойдёт...

Женька резко отстранился, словно Анька уже повела его под венец. Но женские заботы согнули девочку так, что она ничего не видела, кроме мокрой дороги. Куда выведет?

Зато остановилась Оксана, протянув руку в поиске опоры. Васька поддержал, испуганно заглянул в лицо попутчицы.

– Что-то кольнуло, – не менее испуганно улыбнулась Оксана, пытаясь вздохнуть. – Сейчас пройдёт.

Она попыталась осторожно набрать полную грудь воздуха, этого не получилось, и она опять виновато заулыбалась сквозь непонятную боль.

– Конечно, столько ходить с непривычки, – успокоил Васька, не выпуская руку. – Сейчас отдохнёшь и раздышишься.

К ним вернулся Егор, внимательно всмотрелся в побелевшее лицо девочки.

– Сейчас пройдёт. Первый раз так далеко ходила, – поторопился оправдать остановку племянник.

– Тогда не торопитесь, потихоньку. Можете даже отстать, – разрешил Егор. – Одни справитесь?

А может, ребята и хотели остаться одни?

Усмехнувшись гениальной расшифровке лежавшей на поверхности тайны, заторопился за ушедшими гуськом старым с малыми...

После обеда и отдыха Фёдор Максимович и Егор, прячась друг от друга, стали собираться каждый по своим делам.

Лесника ждала Тихонова пустынь с бетонной глыбой, от которой он худо-бедно, но уже отколол за эти дни заметный кусок. С Евсеем Кузьмичом пересеклись лишь однажды – бывший командир слабел на глазах, забывался всё чаще и в помощники не годился.

Наверное, можно было сдёрнуть плиту трактором. На худой конец, нанять отбойный молоток. Но раз решили с Евсеем Кузьмичом очистить родник собственными руками, то и посчитали этот способ единственно возможным. Зато народ не шибко любопытствует двумя микеланджелами, тихо бьющими по зубилу и собственным пальцам...

Егор выискивал в чулане одежду попроще, чтобы не жалко было измарать её в темноте. В первые годы службы он много чего привозил из военной формы, пока не перестали её выдавать, заменяя деньгами. Надеялся, что отец отправится по своим делам и отвечать на лишние вопросы не придётся. Хотя что отвечать? Может, он вообще не дойдёт до лагеря. А если и дойдёт, то не останется ночевать и сторожить ребят. А к утру в любом случае будет спать на собственной кровати в подвале.

Чутко уловил, как отец вывел велосипед за калитку. Анька ускакала к постояльцам, Васька гонялся где-то за собственным хвостом, и Егор торопливо облачился в походное. Начеркал на тетрадном листочке: «Я в гостях», положил записку на телевизор – до программы «Время» не заметят, а там, может, он и вернётся. Всё по-честному, просто забыл написать, к кому именно пошёл в гости. Из одноклассников в селе не осталось никого, но учителя живы, рыбаки на озере сутками сидят...

Себе признался, что идёт в лагерь ради Веры. Она не выказала особой приветливости, а позвони перед отъездом Ира или случись встреча с Таней – возможно, сейчас бы шёл в другую сторону или, наоборот, спокойно лежал на диване. Неужели Вера всё же заинтересовала? Жениться он, ясное дело, не собирается: его профессия, к сожалению, предполагает вдов и сирот. Просто побыть вместе, помочь чем сможет... Но смелая! Пойти лагерем в лес с детьми – это не ему под прикрытием всего Советского Союза кувыряться с американцами в тёплых морях.

В одиночку расстояние до лагеря покрыл значительно быстрее, чем утром цыганским табором. Уже выглядывал палатки среди так и не просохших сосен, как уловил гул мотора: кто-то пробивался по лесной дороге. Скорее всего, с проверкой из района. Тогда надо подождать, чтобы к пионервожатой не возникло вопросов о постороннем.

К лагерю юзил залепленный грязью по крышу джип. На его звук от палаток выбежала Вера – всё в том же спортивном костюме с белым ободочком. Не во что переодеться? На себе сушила? Увидев и, скорее всего, узнав машину, она непроизвольно подалась назад, под защиту ребят, но переборола себя и перегородила дорогу в лагерь.

Водитель, несмотря на скользкую дорогу, сумел подъехать к пионервожатой вплотную, и та вынужденно отступила от пышущего жаром капота машины.

– Здесь горят «Пионерские костры»? – с улыбкой приоткрыв стекло, высунулся из кабины Борис Сергованцев.

Не дожидаясь подтверждения, вышел из автомобиля. Предусмотрительно обутый в сапоги, он вначале осмотрел машину, покачал головой, вызывая к соучастию пионервожатую – вот так к вам добирался! Открыл заднюю дверцу, вытащил два холщовых мешка, взвалил на плечи. Мимо ничего не понимающей девушки начал выбираться на обочину.

– Это... что? – на правах хозяйки спросила Вера.

Борис свистнул выглядывающим из палаток ребятам – ко мне. Перевалил в их руки мешки, разрешил тащить в лагерь.

– Что это? – уже требовательнее поинтересовалась Вера.

– Спонсорская помощь. Встретился с главой района, он и рассказал про лагерь, попросил помочь. Плащи от дождя, кое-что из теплой одежды, одеялки, сухари, пряники, чай...

Вера не знала, как реагировать на подарки. Бесплатный сыр, известное дело, лишь в мышеловке, но если глава района просил...

– Спасибо.

– Вера Сергеевна, вы простите меня за... за моё поведение в прошлый раз. Я воистину был очарован вашим обаянием и... Не сдержался. Простите.

Развёл руками, склонил повинно голову. Стало слышно птичье пение, пахнуло дымом от костра. Около палаток раздались возгласы – ребята наверняка рассматривали подарки. Но это же на все отряды, не только для Журиничей!

Ничего не ответив, Вера поспешила к юнармейцам. Борис легко перевалил на машине через игольчатую обочину и поехал вслед за ней.

– Вот и вся недолга, – усмехнулся Егор. Такая женщина воистину достойна того, чтобы к ней ездили на джипах, а не приходили пешком в заштопанных солдатских брюках и с посохом.

Вера уже приглашала водителя к костру, тот благодарно кланялся, рассказывая что-то весёлое. В женской фигуре исчезло напряжение, и, не увидев угрозы лагерю со стороны приезжего, Егор повернул в обратную сторону. Авось успеет до возвращения отца убрать записку. Да и в Москву можно собираться...

Глава 14

В столице Егора ждал срочный вызов к начальнику управления.

Срочным могло оказаться всё: в стране каждый день что-то горело, взрывалось, прорывалось, а главное – ничего не исполнялось. Ничто никем не контролировалось, никто ни за что, по большому счёту, не отвечал. По телевизору шёл нескончаемый сериал из драк и споров депутатов Верховного Совета, в стране правилом хорошего тона считалось разоблачать историю, обзывать самих себя «совками», ходить на митинги, спорить, собирать бесконечные подписи «за» или «против». Но – только не работать. Впрочем, и работы оставалось всё меньше...

Томясь в коридорах управления в ожидании приёма, подошёл к стенду с фотографиями членов Политбюро и высшего командного состава. Всматривался в лица людей, кому выпало на своих плечах держать громадину континента, не вмещавшегося даже на одной страничке географического атласа. И невольно стал усмехаться. Министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, обязанного первым стоять на страже международных интересов страны, вдруг наградили американской антивоенной премией мира и австрийским орденом «Милого Августина». Вадим Бакатин, назначенный за время отсутствия Егора председателем КГБ, сдал Америке суперсовременную схему подслушивающих устройств, разработкой которых десятки лет занималось несколько институтов. Говорят, начал публиковать главы из своей книги «Избавление от КГБ». Начальник – об избавлении от собственной организации и подчинённых. Бред!

Да что они! Президента СССР Михаила Горбачёва на Западе наперегонки объявляли то «лучшим немцем», то «другом» Америки и Великобритании – но только не собственной страны.

– Горбачёва сгубил орден, – дал ему оценку Витька Пятак. – Я же читал: как получил его в шестнадцать лет, как посадили в президиум, так больше он оттуда и не вылезал. А человеку по земле ходить надо, а не по сцене.

И эта убийственная характеристика Президенту подвыпившего Пятака объясняла целую политику страны.

Не менее знаменит оказался и Борис Ельцин. Ещё вчера ломавший хребты тем, кто не желал вступать в партию, сегодня водит толпы демонстрантов по Москве, страстно обличая то, к чему сам ещё вчера всех призывал¹².

Кто пониже и пожиже?

Егор Гайдар, внук яростного борца за советскую власть Аркадия Гайдара и сын бессменного руководителя военного отдела газеты «Правда» Тимура Гайдара, сам долгое время работавший в журнале «Коммунист», назвал советские годы химерой и возглавил реформы против того, за что боролись его предки и он сам. Генерал Дмитрий Волкогонов, отвечавший в Вооружённых Силах за идеологию, написавший пафосные книги «Советский солдат» и «Доблесть», которые по его же указаниям заставляли солдат поголовно конспектировать, лично же и возглавил комиссию по... ликвидации этих самых политорганов в армии и на флоте. Под Геннадия Бурбулиса, заставлявшего ещё вчера учить студентов в свердловском институте марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм, на американский манер создали должность госсекретаря – с неё он и клеймил советский строй. «Отец» перестройки Александр Яковлев – вчерашний член Политбюро ЦК КПСС...

История России, вне сомнения, не знала примера, когда одновременно стали перевёртышами десятки людей, оказавшихся в высших эшелонах власти. Океан способен абсорбировать

¹² В свое время Б.Н. Ельцин именно за партийное руководство строительством социализма был удостоен орденов Ленина, «Знак Почета», двух – Трудового Красного Знамени. Впоследствии США удостоили его и медалей «Щит свободы» и «За самоотверженность и отвагу»...

грязь и самоочищаться, а тут в руководстве страны оказались предатели, страну не знавшие и не любившие. Порядочные люди вообще-то стреляются, когда к ним приходит прозрение или вдруг убеждаются, что вели народ не в ту сторону. В крайнем случае, затихают и уединённо отмаливают грехи, совестливо отказываясь от учёных званий и генеральских погон, заработанных на «ложных» основах и учениях. Здесь же в церковь шли лишь под телекамерами, а право стреляться оставляли тем, кто не изменил своим убеждениям...

– Буерашин, – донеслось из приёмной.

А может, пришло известие о Звезде Героя? А почему бы и нет? Вроде стыдно об этом думать, но раз уж завертелось...

Уже без напряжения вошёл к «Кап-разу», ответил на рукопожатие. Только вот командир смотрит ещё не как на Героя...

– Просят человека в охрану Ельцина. Пойдёшь? Он же для тебя вроде кумира...

В словах горечь и усмешка. Оттого, что Ельцин на каком-то этапе в сравнении с Горбачёвым был предпочтителен Егору или что надо ему самому отдавать подчинённого?

– При этом гарантий никаких по твоему обратному возвращению.

«Кап-раз» взгляд не отвёл, и Егор понял: вопрос с переходом из ГРУ в Службу безопасности Президента России ему решать самому. При этом догадываясь, что разведуправлению желательно иметь своего человека около «Тела»¹³.

Вообще-то на Полежаевке онемели, когда у них неожиданно запросили офицера в растущую, как на дрожжах, охрану Ельцина, в знаменитую «девятку»¹⁴. Если уж и там был некомплект офицеров, если собирали с миру по нитке, то можно представить, как упал в глазах политиков КГБ, откуда всегда пополнялась эта самая «девятка»¹⁵. На госбезопасность навесили столько собак, ей приписали такие прегрешения, что решили держать старые чекистские кадры от греха подальше?

Генштабовскую, военную «разведконттору» подобное миновало лишь потому, что, в отличие от своих извечных конкурентов, они никогда не занимались политикой – по крайней мере, в своей стране. Не имели военные разведчики в пределах Садового кольца и зданий, памятников, которые можно было бы митингующим громить под объективами телекамер, доказывая свою лояльность и приверженность демократии.

Оказались «грушники» более недоступными и для общественного мнения, которое формировали депутаты вкупе с журналистами, взявшими на себя право оценивать вклад каждого ведомства на алтарь Отечества. При этом за эталон кристальной чистоты брались «общечеловеческие ценности» и права человека – понятия настолько расплывчатые, что понимались каждым по-своему. Эдакая абракадабра из Сальвадора, Шагала в красном круге Малевича.

И вот капитана Буерашина собственный командир спихивал в чан, из которого вчерашние глашатаи коммунизма звали народ идти в прямо противоположном направлении.

– Ты только не раскрывай там рот, – дал моряк самый ценный совет, словно согласие Егора было уже получено. – И не петушись. От тебя ничего не зависит, поэтому...

– Имею право спросить: за что?

– Свои люди везде нужны, – наконец произнес «Кап-раз» ключевую фразу, за которой, надо полагать, и скрывалась глубинная суть неожиданного предложения.

¹³ «Тело, Дед, Хозяин» – Б.Н. Ельцин в разговоре между охранниками.

¹⁴ 9-е управление КГБ, отвечавшее за охрану важных государственных персон. При этом, как известно, 1-е управление занималось внешней разведкой, 2-е – контрразведкой (борьба со шпионажем, разработка агентов и т. п.), 3-е – военная контрразведка (особисты), 4-е – безопасность на транспорте, 5-е – борьба с идеологическими диверсиями противника, 6-е – безопасность на промышленных объектах (в т. ч. «оборонка»), 7-е – негласное наружное наблюдение, 8-е – шифровальщики (самые закрытые люди в стране), 16-е – дешифровальщики (ещё более закрытые и самые уважаемые), 15-е – безопасность подземных коммуникаций (бункера, «второе» метро), 10-е – архив, где служил Юрка Черёмухин, и т. д. Сам принцип обозначения охраны шел от количества первых охранников Сталина – девяти человек.

¹⁵ Не путать с 9-й статьей расходов, предназначенной для оплаты агентов.

Взял стоявший у глобуса военно-морской вымпел, подержал его на весу, словно прощаясь, – и в самом деле протянул Егору. Смысл мог быть двоякий: если на флоте вымпел вручают кораблю, который доказал свою готовность к самостоятельному плаванию, то в разведке высший пилотаж – это войти в стан противника под чужим флагом.

Не заговор и не новое ГКЧП, естественно, подразумевались: в этом плане людей в погонах приучили служить «за», а не «против». Скорее всего, Генштаб в самом деле боялся уничтожения разведки как таковой, и потому спешно выставлял глаза и уши в любых местах, откуда могла исходить угроза, – рядом с Горбачёвым, Ельциным, где-то в окружении Буша, у самого чёрта на рогах. Геральдисты, определяя в эмблему ГРУ летучую мышь, накрывшую распахнутыми крыльями земной шар, оказались крайне дальновидными¹⁶. Только вот сам Егор, похоже, подпал под девиз нелегальной разведки: «Без права на славу – во славу Отечества». Без права на славу...

– Когда и куда приехать? – обречённо попросил уточнений Егор.

– В четверг в 9.45. Белый дом на Красной Пресне. Метро «Баррикадная»... Что улыбаешься?

– Интересное словосочетание – красные, белые, баррикады, – поймал игру слов Буерашин. – Такое ощущение, что пока не сменим названия, будем обречены на бесконечные революции.

– Только не они, – поднял руку «Кап-раз». – У них одна привилегия – выкашивать далеко не худших людей. И последнее. Тут Олич заскакивал в Москву на минуту, передавал привет и просил по возможности помочь сестре.

– Я звонил, она уволилась с работы...

– Держи домашний.

Заискрило, пошёл ток по крови, воссоздавая образ той, что занимала в последнее время слишком много места в мыслях Егора. Наверное, больше всего удивилась бы этому сама виновница, ни сном ни духом не ведавшая о переживаниях капитана после встречи у Большого театра. Фамилию можно было не называть, ибо не осталось в Москве магазинов, где бы им не были скуплены все мыслимые и немыслимые образцы точилок. Выстроенные в два ряда на полке в комнатухе офицерского общежития, они теперь категорически не давали забыть точёное личико Иры, детскую чёлку, волосы по плечам. Максим, Максим! Где бы тебя и под какой фамилией ни носило, ты виноват, что однажды передал ракушку. А с ней не просто шум моря, а и голоса сирен, что тащат в пучину...

Выйдя из кабинета начальника, принялся названивать по долгожданному номеру. Получив раз за разом короткие гудки, через Черёмухина «проколол» номер, вычислил по нему домашний адрес абонента. Помчался на другой конец Москвы в надежде на встречу хотя бы около подъезда. Сидел в засаде до тех пор, пока местные старушки, заметив лужающего семечки незнакомца, не позвонили в милицию. Маленький молоденький участковый, которого захотелось угостить конфеткой, почти грозно потребовал документы, но после их изучения сам всё и доложил: жильцы Точилкины свою квартиру только-только продали, новое местожительство пока неизвестно – требуется оформлять официальный запрос.

Вместо сладостей Егор угостил лейтенантика семечками и отправился готовиться к встрече с новыми сослуживцами.

...В Белом доме с капитаном Буерашиным долго не разговаривали. Возможно, доверяли рекомендации ГРУ, и требовалось лишь удостовериться, что кандидат жив-здоров.

Когда наличие подтвердилось и не вызвало отторжения, сухощавый подвижный майор прямо в фойе «Биде» расписал ему ближайшую карьеру:

¹⁶ При этом в каждом подразделении ГРУ эмблемы имеют свои отличия. У боевых пловцов место летучей мыши занимает лягушка.

– Пойдёшь сначала «под сосну», затем поработаешь «мешком».

Названия таили в себе профессиональную тайну, но, судя по всему, должности Егору светили не очень престижные. Да только что офицеру престиж? Как поётся, жила бы Родина... Памятуя наказ «Кап-раза», от уточнений воздержался.

И кажется, зря, потому что даже рядом с Президентом России имелись не просто низшие, а откровенно тупые должности, от которых Егор мог при собеседовании отказаться. Как бы то ни было, а к Герою представлен. И посмотрим, как все закрутятся вокруг, когда Указ будет подписан...

– Стоишь на этом повороте, – взявший над Егором кураторство майор самолично привёз в какой-то лес и выставил на обочину.

– Задача?

– Просто стоишь. На случай, если здесь поедет Ельцин.

– Как долго?

– Неделю, три, месяц, полгода...

– И всё?

– Всё.

Это было даже не мелководье, где рыба чувствует близкую погибель. Здесь Егора целенаправленно выбрасывали на берег. Два-три взмаха жабрами – и как профессионал останешься навеки с открытым ртом.

Увидев поникшее лицо подчинённого, «рыбак» снизошёл до объяснений:

– Пост круглосуточный, поскольку охрана – процесс непрерывный. Если в ней существуют промежутки, её смысл теряется. В шесть вечера сменяют. А пока стой под сосной, думай о женщинах или пиши стихи.

О женщинах думать сладко, если предполагаются будущие встречи с ними. Москва оказалась для лирических знакомств у Егора каким-то проходным двором, Таня и Вера из Журиничей далеки и не его. Стихи не слагались, бросил рифмы ещё в суворовском училище, когда занялся рукопашным боем и стрельбой. Скорее всего, последнее его увлечение службе охраны Президента и приглянулось. Но зачем же опускаться столь низко? Его, аравийского тарантула? Может быть, даже Героя? И ради чего?

После смены и вовсе духом пал. В общаге включил телевизор, а над Кремлём реют уже два флага. Красный, советский – над Горбачёвым, оставшимся сидеть «на уголке»¹⁷, и новый российский триколор – над Ельциным, въехавшим в четырнадцатый корпус Кремля¹⁸.

Два президента, люто ненавидящие друг друга, ужиться в одной берлоге не могли ни при каких обстоятельствах, так что схватка предполагалась скорая. Бедные чубы холопов...

Однако говорить вслух об «огошках» – объектах государственной охраны, в «девятке» было не принято. Даже менявший Егора «под сосной» майор Штиблет, получивший прозвище за то, что протопал в Кремлёвском полку от солдата до большой звёздочки, говорил о чём угодно, но только не о нравах нынешних обитателей Кремля. А тем более не затрагивал причину, по которой его самого сослали в лес. Все разговоры Штиблет переводил на своего любимца, бывшего министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова.

– С ним начинал. Святой человек для страны.

Егор при Устинове носил ещё курсантские погоны, в училище министра за огромную фуражку и возраст называли «мухомором», а тут, оказывается, святой...

Штиблет не обиделся на скептицизм сменщика, но счёл нужным прочистить память:

¹⁷ На жаргоне охраны – резиденция Президента СССР.

¹⁸ Этот советский флаг, последним развевавшийся над Кремлём и тайно снятый ночью 25 декабря 1991 года, выкупят потом немцы и вывезут над одним из зданий в Берлине. Для истории. Или насмешки, ведь по мирному договору с Германией красный флаг вечно должен был развеваться над Рейхстагом. Чтобы это исключить, все послевоенные годы купол Рейхстага находился на реконструкции. Впоследствии именно немцы выкупят и мемориальную доску с дома Л.И. Брежнева.

– В 41-м, в тридцать три года – нарком вооружения. В 42-м – единственный военный, кто получил звание Героя Социалистического Труда. За то, что перевел все заводы на Урал.

Этих энциклопедических фактов должно было оказаться достаточно, чтобы новичку замереть от благоговения.

– А как он любил скорость! – Штиблет служил у министра водителем, и предстоящему рассказу Егор мог верить безоговорочно. – У нас же по инструкции после гибели Машерова в автокатастрофе – не более ста двадцати. Вырвемся на Кутузовский, Дмитрий Фёдорович начинает молча буравить меня взглядом. Втягиваю голову в плечи, но скорость держу согласно приказу. Маршал терпит, терпит, а потом говорит: «Если мы влетим и покалечимся, тебя вылечит Министерство обороны. Но если я тебя выгоню, тебе не поможет никто».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.